Ровесник

РОВЕСНИК

4
1975

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

На первой странице обложки: «весеннее наступление» японских трудящихся в самом разгаре. В нынешнем году эта кампания проводится 20-й раз. В небывало сложной обстановке инфляции и экономической депрессии действия рабочего класса координирует совет, в который входят представители профсоюзов, объединяющих более восьми миллионов трудящихся. В первых рядах демонстрантов, как всегда, плечом к плечу со старшими — молодежь.

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Апрель, 1975 год

ТОКИО. Японская электротехническая фирма «Макушита данки» получила известие об аннулировании американской внешнеторговой фирмой заказа на 300 тысяч цветных телевизоров. Министерство здравоохранения, просвещения и социального обеспечения США сообщило, что интенсивность радиации телевизоров «Макушита данки» значительно превышает норму.

МАНАГУА. Более четырех тысяч студентов Национального автономного университета Никарагуа провели в городах Манагуа и Леон собрания, на которых решительно осудили репрессии в стране и потребовали от правительства освобождения политических заключенных, в том числе группы молодых членов патриотической организации Фронт национального освобождения имени Сандино, томящихся в тюрьмах более семи лет.

ЛИМА. «Братья, земля — наша!» — под таким лозунгом в столице Перу состоялась демонстрация перуанских крестьян в поддержку сельскохозяйственной политики правительства Веласко Альварадо. С 1969 года в стране осуществлены важнейшие мероприятия по национализации земли.

На снимке: крестьяне, участники марша на улицах Лимы.

БАНГКОК. Группа студентов, изучающих государственное право, потребовала, чтобы временное национальное собрание освободило политических заключенных, арестованных по декрету, изданному свергнутым военным правительством более года назад.

Декрет номер 199, введенный в действие Таномом Киттикачоном вскоре после его прихода к власти в ноябре 1971 года, позволил правительству арестовывать и держать в заключении любого по подозрению в коммунистической деятельности.

ГАВАНА. Здесь подписан протокол об обмене туристами между национальным институтом туризма Кубы и советским Бюро международного молодежного туризма «Спутник». В 1975 году Кубу посетят 740 советских туристов. В свою очередь, 320 молодых кубинцев побывают в Советском Союзе.

ПРАГА. В канун тридцатилетия освобождения Чехословакии организация Социалистического союза молодежи взяла шефство над целым рядом важных строительных объектов республики. Среди них — прокладка горной канатной дороги в местечке Янске Лазне в Судетах, ведущаяся с помощью вертолетов.

На снимке: вертолет доставил очередной ковш с бетоном.

в этом номере:

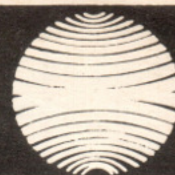
«СПОРТ» ПРОТИВ СПОРТСМЕНА

— о том, как шведский чемпион проиграл в схватке с «допингом»;

«МУЗЫКА» ПРОТИВ СЛУШАТЕЛЕЙ

— о том, почему звуки «большого удара» и мелькание света повергают в исступление аудиторию поп-концертов.

Очерки, статьи, комментарии.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

БОНН. Молодежная организация СДПГ «Молодые социалисты» выступила за решительное размежевание с маоистскими организациями, существующими в ФРГ и называющими себя коммунистическими.

В интервью бюллетеню «Парламентариш-политишер прессединст» представитель правления «Молодых социалистов» в СДПГ К.-Д. Функе заявил, что действия маоистских группировок способствуют лишь развитию фашистских тенденций и отвечают интересам реакционных партий ХДС/ХСС.

ПАРИЖ. По всей Франции прошли дискуссии, организованные Движением коммунистической молодежи Франции (ДКМФ) и посвященные насущным проблемам жизни молодого поколения: борьбе с инфляцией, безработицей, низкой платой, дискриминацией по возрастному признаку. В своих выступлениях активисты движения указывали на необходимость расширения союза левых сил, сплочения усилий молодежи на самой широкой демократической основе в борьбе против этих негативных явлений.

На снимке: в XIX округе Парижа в организации Франкель генеральный секретарь ДКМФ Жан-Мишель Катала рассказывает о задачах движения на современном этапе.

МОСКВА. По приглашению КМО СССР нашу страну посетила делегация молодежи Намибии. На пресс-конференции с заявлением выступил генеральный секретарь Молодежного отделения СВАПО (народной организации Юго-Западной Африки) Шеели Шангула.

Борьба народа Юго-Западной Африки против колониального господства Южно-Африканской Республики встречает ожесточенное сопротивление наместнической администрации. Так, год назад власти Претории распорядились о проведении выборов в законодательный орган бантустана Овамоленд, пытаясь таким образом получить «законное основание» для проведения колониальной политики. Однако затея колонизаторов провалилась, большинство населения отвергло фарс «выборов», после чего администрация прибегла к грубой фальсификации.

Члены делегации молодежи Намибии выразили глубокую благодарность советской молодежи за ту поддержку, которую она оказывает народу Юго-Западной Африки в его борьбе.

ЛОНДОН. В городке Норвич возникла организация школьников «За освобождение молодежи», выступающая против физических наказаний в английских школах. В ее манифесте говорится: «Порка должна быть запрещена, так как она приучает ребенка к мысли, что насилие в мире имеет силу закона».

А вот что говорит хозяин магазина в Лондоне, где продаются розги:

— С 1970 года, когда открылся мой магазин, спрос на розги не снижается. Мы выполняем заказы как отдельных родителей, так и директоров школ. Бывает, что за неделю удается выполнить до одной тысячи заказов.

БОСТОН. Проблема расовой сегрегации в американской средней школе вновь обострилась минувшей зимой, когда в Бостоне вспыхнула новая серия спровоцированных расистами уличных потасовок. Мэр города Уайт обратился к властям штата с просьбой дать разрешение на закрытие до конца текущего учебного года печально известной «Саут Бостон Хай скул». Кризис правительственной программы десегрегации средней школы красноречиво показывает, что география расовой проблемы в США далеко не ограничивается южными штатами.

События в Бостоне привлекли внимание многих молодых американцев, в том числе учащихся ряда вузов. Так, студенческий координационный совет Северной Каролины провел серию занятий «тич-ин», посвященных борьбе против расизма.

На снимке из газеты «Дейли уорлд»: студенты во время одного из заседаний студенческого совета Северной Каролины.

смотрите:

ПОЛДЕНЬ

Такое простое слово — обед... Такое трудное для матери этих итальянских детей в те минуты, когда пора собирать на стол. Такое мучительное для нищих пенсионеров-французов в их долгие дни поиска пищи. Такое забытое для африканцев, чья земля многие годы терзаема засухой. Такое беззаботное, глупое слово для тех, кто терзается одной лишь мыслью — как бы еще убить время?!. Такое простое слово — обед!

И сейчас с каждым ударом вашего сердца на Земле умирает от голода один человек. И каждый год во всем мире умирают от голода 25 миллионов человек...

Но является ли перенаселение причиной голода? Никто на прошлогодней Всемирной конференции по народонаселению, проходившей в Бухаресте, не утверждал этого. Так что же тогда?

Два из снимков, которые вы видите, сняты во Франции и Италии. Но это в странах Европейского сообщества — в том числе в Италии и Франции — только за 1972—1973 годы ради политики поддержания цен было денатурировано 7,7 миллиона тонн пшеницы — то есть попросту отравлено. Это здесь масло перерабатывали в мыло и уничтожали овощи и фрукты. Это в США на лужайки для игры в гольф и на кладбища вывозится ежегодно 1,3 миллиона тонн удобрений, в то время как этого количества удобрений хватило бы, чтобы вырастить урожай для 65 миллионов жителей развивающихся стран...

«Юманите-Диманш», Париж

«Штерн», Гамбург

«Эуропео»,
Милан

«Юманите-Диманш»,
Париж

105 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА

22 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ ПАМЯТИ В. И. ЛЕНИНА

БЛАС ДЕ ОТЕРО
Испания

Ленин

Ленин:
Страх богатеев,
Бедный — с коленей,
Преданность людям.

Ленин:
Пытливый взгляд,
Различающий тленье
Ревизий и догм.

Ленин:
Костер на снегу,
Пламя полемик,
Железная воля.

Ленин:
Запада страх,
России явленье,
Единство земли —

Ленин!

МАКС ЦИММЕРИНГ
ГДР

Я видел Ленина

Я видел Ленина — несчетно много раз...
Его я видел — нет! — не в Мавзолее:
его я видел в заводской аллее,
когда к станку спешил он в ранний час;
на сходке его видел, на маевке;
пред «судьями» его я видел лик;
в простой спецовке, ростом невелик —
он, видел я, расклеивал листовки;
я видел — в парке он с детьми играл;
косу вострил во время сенокоса;
ходил морями в должности матроса;
на митинге пел «Интернационал»;
его я видел среди тех, кто полюс
суровый штурмовал; он был из тех,
кто — все за одного, один — за всех;
как все, затягивал потуже пояс
и в битву шел; он добрый был солдат;
я видел: в заточенье он ночами
смеялся над своими палачами;
я видел, как в бою за Сталинград
под градом пуль свою он поднял роту;
я видел его там, где алый цвет
трепещет на ветру и полонит весь свет...
Я видел Ленина —
он отдал жизнь народу.

РОННИ МУНЬОС
Чили

Приветствие Ленину

Подруга, я знаю: хлеб —
белое чудо в доме.
Подруга, в твоих глазах
и днем и ночью мерцают
зеленые светляки.
Если бы Ленин приехал,
он бы пришел в наш дом,
осветил бы его надеждой.
И все же он здесь — в полях
сияет его ученье,
снег становится алым,
хлеб уже не горчит.
Мысли его похожи
на непокорных горлиц.
Он сделал ярче зарю.
Свет Владимира светит
всем Педро и всем Франсиско.
Он расковал мятеж,
народы подняли флаги.
Ленин — звезда победы
и металл кулаков
пролетариев всех стран.
Считалось, что Ленин умер,
а он — словно сердце в нас.
Я знаю — во всех краях
он беседует с братьями,
и тяжелеют колосья,
а колокольни зари
благовестят о мгновенье,
когда угнетенный люд
скажет свое слово.

Стихи «Ленин» и «Приветствие Ленину» входят в сборник «Бессмертие», готовящийся к печати в издательстве «Прогресс». Переводы П. Грушко и Б. Пчелинцева.

ГЛАДИС МАРИН: «МЫ ЗНАЕМ, НАСТАНЕТ ДЕНЬ!»

Интервью это подсказано, можно сказать — продиктовано, вами, читатель. Мы получаем от вас множество писем, в которых вы пишете о Чили, и после каждого опубликованного материала число их возрастает. О Чили как вашей собственной драме и боли, как о собственной любви и собственной надежде. Мы получали письма с запросами — куда пересылать деньги, заработанные на воскресниках специально для чилийского дела, мы получали стихи и песни, мы получали, наконец, множество писем с вопросами — как там сейчас, в Чили? Спросите об этом у Гладис Марин — так пишут нам.

Вот это интервью, взятое по вашей просьбе. Оно началось далеко в Боготе, столице Колумбии, где главный редактор «Ровесника» вместе с делегацией советской молодежи был на грандиозном митинге солидарности с народом Чили. В один из вечеров они были в гостях в доме, где сейчас живет мать Гладис, и вот тогда-то Гладис Марин и пообещала, что найдет специальное время для обстоятельного интервью «Ровеснику»...

Это время нашлось в Москве. Мы встречались дважды, и, по-моему, оба честно старались сделать разговор как можно более личным, чтобы ответить тем самым на прямые и такие личные вопросы ваших писем.

Сейчас я не уверен, что это получилось. И когда пытаюсь понять почему, то вспоминаю глаза Гладис — чуть ли не всегда серьезные, чуть не всегда грустные. Можно было бы предложить вам — представьте себя на месте Гладис, но ведь это невозможно. Разве можно представить, не прожив, ту драму личную и ту драму страны, что прожила она... Все, что происходит в Чили, все, что делается для Чили, — все это личное для Гладис. У жены героя Чили, Генерального секретаря Компартии Луиса Корвалана журналист спросил, сколько раз ей разрешили повидать мужа. Она сказала: «Я видела его 21 мая, 22 июня и 6 июля... У меня было разрешение еще на одно свидание, но я не пришла... Я была на другом конце страны, на севере, в Чакабуко. Там в лагере сидит мой сын Луис Альберто...» Кто способен представить такие муки матери, разрывающейся между мужем и сыном, между двумя концентрационными лагерями...

(Как вы знаете, под давлением мировой общественности хунта была вынуждена освободить Луиса Альберто Корвалана. В феврале этого года он приезжал в СССР.)

И еще одно обстоятельство, определяющее облик Гладис Марин. Она человек предельной ответственности, человек долга. А долг ее равен высокому посту — генерального секретаря Коммунистической молодежи Чили, члена Политкомиссии ЦК Коммунистической партии Чили. Мне хочется поблагодарить ее за беседу от вашего имени и пожелать счастья.

Ниже вы прочтете магнитофонную запись нашего разговора.

И. ГОРЕЛОВ

Встреча первая

— Мы и наши читатели хорошо знаем вас, Гладис. Тому свидетельством хотя бы многочисленные письма. Но мы знаем прежде всего вашу общественную деятельность. Если вы не против, давайте поговорим просто о вашей жизни.

— Пожалуйста.

— Обычно, готовясь к интервью, журналисты подыскивают самые важные именно для этого человека вопросы. Так пытался сделать и я, пытался прежде всего представить ваше положение, посмотреть на мир вашими глазами. Я понимаю, как сложно это положение, понимаю, что ваша жизнь постоянно связана с воспоминаниями, с незаживающей трагедией, с постоянным возвращением к событиям, которые сами по себе больше одного человека, одной жизни, одной даже страны — весь мир переживает трагедию Чили... Поэтому я прошу не обидеться на такой вопрос: вы не устали?

— No! — Нет! — Гладис отвечает тотчас же, потом задумывается... и смеется: — Я вижу, вы серьезно подготовились к встрече... Сколько времени будет длиться это интервью? Я ведь тоже хочу, чтобы оно получилось хорошим.

— Полтора часа.

— Тогда давайте, чтоб не спешить, разделим разговор пополам. Завтра я уезжаю, так что лучше сразу договориться о второй встрече.

— Спасибо, отлично... Главное, о чем я хотел говорить, — это солидарность: то, как чувствуете ее вы сами. Я знаю, к примеру, что недавно вы были в США. Не вспомните ли вы в этой связи какие-либо эпизоды, случаи...

— Таких эпизодов было множество, а ведь там, в США, у прогрессивного, коммунистического движения — трудная жизнь. В этой поездке я вообще по-новому открыла для себя Соединенные Штаты, которые раньше знала только по буржуазной прессе, а в ней не найдешь того, что она не хочет показывать. Особенно мне запомнился там съезд Союза молодых рабочих за освобождение, гостем которого я была и который стал настоящим примером классового интернационализма и солидарности с Чили.

— Ну а личные встречи...

— О, мучос!.. — Множество!.. — улыбается Гладис. — Прежде всего с Генри Уинстоном. Мне так приятно было услышать от него, Национального председателя партии, слова любви к чилийцам, Компартии Чили... Но даже встречи с теми, кто прежде был далек от нас, убедили меня в том, что антифашистская солидарность набирает новые силы, охватывает новых людей и новые социальные, политические слои. Я помню, к примеру, встречу с одним из лидеров профсоюза, а вы ведь знаете, что профсоюзы в США находятся под сильным влиянием правых, консервативных сил. Так вот, этот руководитель профсоюза рабочих холодильников сказал мне так: «Конечно, мои идеи не совпадают с вашими, но все же я не из тех, кто видит в коммунистах дьявола с рогами. И как рядовой американец я понимаю, что каждый из нас несет личную ответственность за то, что случилось в Чили. Многие из нас не сделали всего, что могли для Вьетнама. И потому мы хотим исправить наши ошибки и сделать то, что мы можем для Чили».

— До фашистского переворота примерно 100 тысяч молодых чилийцев носили красные рубашки. Какова судьба большинства комсомольцев?

— Большинства... Они работают в новых условиях, и они борются против диктатуры. Очень высокий процент молодых коммунистов работает по-прежнему активно... Где? В первичных организациях. Для огромного большинства жизнь, конечно, сильно изменилась; она стала противоположной тому, чем была прежде. Ребятам пришлось сменить место жительства и место работы, во многих случаях сменить документы. Они не ходят больше в красных рубашках, но этот цвет — у них в сердце... Часть наших товарищей находится за границей, хотя я и не могу назвать вам точное число активистов и руководителей нашей организации, выехавших из страны, чтобы работать за рубежом. И конечно, немало их сидит сейчас в тюрьмах и концентрационных лагерях хунты. Скольких уже расстреляли, особенно в первые дни и в первые месяцы, но ведь и сейчас репрессии не стихают... — Голос Гладис тих, говорит она медленно, и, видно, никогда ей не обрести хладнокровия и никогда не притупиться ее состраданию, о скольких жертвах ей бы ни пришлось еще узнать. — Вот и в эти последние месяцы погибло несколько моих друзей...

— «Герои не погибают напрасно — это говорил Хосе Марти, и мне давно запомнились эти слова. — Ни одна идея не теряется в волнах и порывах ветров. Ее отдаляют и приближают, но всегда создается впечатление, что она только что была здесь». Вот та идея, которая правила раньше умами большинства чилийцев, как к ней относятся сейчас?

Гладис отвечает не сразу. Вероятно, нужно время, чтобы преодолеть это расстояние: от просто Гладис до Гладис Марин.

— ...Марти, конечно, был поразительно прав — ни герои не гибнут напрасно, ни идеи не исчезают в безвестности. Так и в моем народе не умерла идея народного единства. Наоборот! Наоборот: мы извлекли из событий важный урок — единство должно было быть еще шире. Чем оно шире, тем крепче! Мы боролись за единство трудящихся, и мы завоевали власть. Но надо было — и мы это понимали, и мы пытались достичь этого и не успели сделать это единство еще более широким. Чем было Народное единство для народа? Честной альтернативой, дорогой порядочности, достоинства... Мы пока не можем сказать, что все уроки нами извлечены, что нам уже полностью ясен весь столь трудно полученный опыт — и отрицательный, и положительный. Такой анализ сделан в политическом плане — как нашей партией, так и другими партиями Народного единства. Некоторые из выводов весьма просты, элементарны, но всегда ли мы следуем в нашем поведении самому простому? К примеру, такое правило — концентрировать все силы, когда тебе противостоят главные силы врага или врагов. Наши силы были распылены, и разные группировки преследовали свои цели. Это касается и молодежи...

— В чем же вы видите актуальные цели сегодня?

— Все та же широта. За это, кстати, «голосует» и сам фронт лежащих перед нами работ — он очень широк. Поймите верно,

МОЛОДЕЖЬ — ЗА АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ СОЛИДАРНОСТЬ, МИР И ПРОГРЕСС

В ФРГ открылась молодежная выставка солидарности с Чили, французские юноши и девушки вышли на очередную демонстрацию в поддержку чилийских демократов, рабочие 1-го подшипникового завода в Москве и колумбийские студенты в Боготе требуют положить конец преступлениям хунты Пиночета, кубинские пионеры заложили парк дружбы и солидарности с народом Чили... Нескончаемый поток сообщений и фотографий: молодежь планеты — своими делами и помыслами вместе с чилийскими демократами. Пока из Сантьяго не изгнаны фашистские узурпаторы, пока не освобождены многие тысячи политзаключенных, в том числе несгибаемый коммунист товарищ Луис Корвалан, пока мировая реакция не прекратит поддерживать хунту, как того вновь потребовала на третьей, февральской сессии в Мехико Международная комиссия по расследованию преступлений военной хунты в Чили, — передовая молодежь будет продолжать борьбу в защиту чилийского народа, борьбу, которую она считает своим человеческим долгом, борьбу по велению сердца.

Молодежь мира с тобой, Чили!

A los lectores de Rovesnik los saludo en nombre del pueblo y la juventud de Chile que hoy lucha contra la dictadura fascista. Gracias por vuestra solidaridad. ¡Venceremos! Gladys Marín

От имени народа и молодежи Чили, ведущих сегодня борьбу в условиях фашистской диктатуры, я передаю привет читателям «Ровесника». Спасибо за вашу солидарность.
Мы победим!
Гладис Марин

это вовсе не значит, что во времена Народного единства не было совместных действий, не было общей линии — не было бы этого, не было бы и самого Народного единства. Но все же единство не было полным... Мы также поняли, что нужно внимательнее относиться к истории, к опыту других революций, к идеологической учебе и подготовке членов партии... Это все отдельные усвоенные нами уроки, потому что весь опыт, конечно, слишком богат и обширен...

— И все же еще об опыте. Правда, о другом — об опыте подпольной работы... Я вот о чем: мы, кровно болеющие за Чили, убеждены, что такой опыт, такая сноровка и способность есть, что вы богаты людьми, умеющими работать и в таких тяжелых, невыносимых условиях...

— У нашей партии есть опыт работы в подполье. С сорок девятого по пятьдесят восьмой год она работала на абсолютно нелегальном положении: коммунистов преследовали, сажали в тюрьмы и лагеря, но партия жила и работала. Так что объективно мы всегда были готовы перейти на другие формы работы, доказательством этому служит хотя бы тот факт, что именно наша партия быстрее всех сумела оправиться после переворота, реорганизоваться, перейти на новые формы работы. Конечно, абсолютно все предусмотреть невозможно, как нельзя недооценивать и способности врага. Но партия — это главное! — восстановила свои ряды, не номинальные, а рабочие, действующие ряды членов. Действует вся партийная структура... Остальные партии Народного единства также восстанавливают свои ряды, хотя многие из них не имели такого трудного опыта нелегальной работы... Наша теперешняя, главная задача — создать базу для активных и широких действий в новых условиях. И это делается, это трудно, требует особой подготовки, но это делается.

Я уверена, что наша партия, наша молодежь окрепнут в этой борьбе, что будут шириться наши ряды, как ширится наша борьба. Несмотря ни на какие репрессии, народное движение сопротивления все же создано, и это заслуга всех левых сил, и прежде всего нашей партии и нашей молодежи.

— На нас большое впечатление оказывают такие, даже короткие, сообщения из Чили, как то, что было не так давно в газетах. В нем говорилось, что партия распространила среди вооруженных сил свое обращение... Могли бы вы привести здесь другие примеры боеспособности партии в условиях подполья?

— Вот что я могу сказать: партия располагает возможностью — и она ею постоянно пользуется — осуществлять постоянную связь между членами партии, работающими как в стране, так и за рубежом, налажен постоянный обмен информацией, в том числе о кампании солидарности с народом Чили, что, конечно, является стимулом для наращивания борьбы в стране. Партия руководит этой борьбой, она дает конкретные задания членам на местах.

— Последний вопрос на сегодня. Насколько мне известно, вчера у вас было заседание секретариата Коммунистической молодежи Чили за рубежом. Если это возможно и в той форме, в какой это возможно, не скажете ли вы, чему было посвящено заседание секретариата?

— Мы говорили о том, как активизировать кампанию солидарности; как оперативнее доставлять в другие страны новости о событиях в Чили. Мы подвели итоги кампании солидарности за год и дали свою оценку положению дел. Мы еще раз подчеркнули огромную роль, которую в этой кампании играют социалистические страны, Советский Союз. Хунта пребывает сейчас в изоляции — свидетельством тому решение ООН по чилийскому вопросу. Сейчас нужны новые инициативы, новые акции — о них мы и говорили на секретариате. У нас есть прекрасный документ, и скоро он будет опубликован; документ этот — сделанный партией анализ положения в стране. Мы выслали в Чили, в адрес руководства партии наше мнение об этом документе, и мы уже сейчас уверены, что его публикация будет иметь огромное значение для движения сопротивления хунте.

— Вот вы едете сейчас в ГДР. Есть ли у вас там какие-то личные интересы — может, вы хотите что-нибудь посмотреть, сходить в театр, кино...

— У-у-у, кино... когда ж я там была? Годы, годы...

— А все же что-нибудь личное?

— Нет, личного нет.

— Но если что будет, обещайте, что расскажете в следующий раз.

— Буэно. — Хорошо.

Встреча вторая

— Итак, вы вернулись из Берлина. Как съездили?

— Хорошо! — Гладис смеется легко, ей хорошо сегодня. — Это была удивительная поездка, необычная; как бы это сказать, поездка для отдыха. Вот что я видела: река, деревья и почти весна...

— Я рад за вас, Гладис. Если вы не против, мне бы хотелось вернуться к первому разговору — к посещению Нью-Йорка, а точнее ООН. Я знаю, что вы — и это, конечно, вышло нечаянно, незапланированно — столкнулись с официальной делегацией хунты при ООН. Как это было?

— Да, это и в самом деле случилось. В ООН я была, выполняя задание партии. И вот в здании ООН я увидела двух чилийцев — я знала, что они здесь представляют хунту. Один из них председатель Национальной партии Чили. Ярый реакционер даже по нынешним временам — Онофре Харпа. Он известная фигура в Чили, таких реакционеров-интеллигентов в Чили поискать. Он один из тех людей, кто вырабатывал линию противостояния и подрыва правительства Народного единства. И вот мы встретились — из нас двоих он был больше поражен, он прямо-таки подпрыгнул, увидев меня. Тогда-то я, кстати, его и заметила: когда этот идеально одетый, солидный господин подпрыгнул посреди зала. Для такой элегантности он повел себя действительно странно: растерявшись, он кинулся за дерево, стоявшее в холле, и уже оттуда принялся наблюдать за мной. Подошел человек и сообщил ему — так мы поняли — о том, в каком я здесь качестве и вообще почему я здесь. Паника среди чилийских делегатов была кошмарной; какое-то время они бегали по холлу, вырабатывая «линию поведения», потом гуськом проследовали на выход. Теоретически это я ведь должна была оказаться в их положении, но вышло все по-иному. Они пришли в себя много позднее и начали было протестовать, заявляя, что я не являюсь официальным представителем страны, что я вообще не имею права выступать. Но я выступала: сначала на приеме и пресс-конференции, устроенных представительством ГДР от имени всех социалистических стран, а потом и на Ассамблее ООН.

Вот вам и еще один пример реальной помощи солидарности социалистических стран, которая позволяет нам, несмотря на то, что свергнуто наше правительство, что мы выгнаны из страны, появляться там, где этого требуют интересы дела нашей родины. Я выступала практически как делегат своего народа. И потому я благодарна за помощь всем социалистическим странам. Для нашего народа это было большим делом.

— Насколько известно, вы встречались с Куртом Вальдхаймом, Генеральным секретарем ООН, и передали ему документы и свидетельства о положении в Чили. Можно подробности?

— У меня было две встречи: с Куртом Вальдхаймом и Председателем Генеральной Ассамблеи. Я передала им список мест, где в настоящее время производятся пытки: казармы, полицейские участки, концлагеря; я также передала заявление о судьбе Лауры Альенде, Мануэля Сануэсы (член ЦК Коммунистической молодежи Чили, убит. — *И. Г.*). Там был и список трехсот задержанных женщин. Короче, там говорилось о случаях, конкретных случаях нарушения Декларации прав человека. Я знаю, что ООН направляла письмо Пиночету с требованием освободить Лауру Альенде. И Вальдхайм показал мне ответ на это требование: в обтекаемой и весьма туманной форме там все же признавалось, что да, дескать, она в тюрьме и со здоровьем у нее не все в порядке, но все же нет, мол, никакого повода для вмешательства. Я высказала Генеральному секретарю ООН наше мнение — нужны еще более решительные шаги.

— Наконец, то, о чем мы с вами договаривались: расскажите о ваших друзьях — тех, кого события сейчас поставили в жестокие условия на родине, и тех, кто работает для нее, находясь за рубежом.

— С самых первых часов фашистского переворота все наши товарищи заняли свои места: они знали, что делать, они были готовы... Я вам расскажу о человеке, вам известном, — о Викторе Харе. Если вы ищете примеры нашей молодежи — это он. Он был известным артистом еще до того, как вступил в Союз коммунистической молодежи. Я знала его прекрасно, знала в том числе и как типичного, склонного к индивидуализму — это была наша "вечная" проблема — интеллигента. И на моих глазах он менялся, приобретая ответственность, истинное самосознание, зрелость. Он стал членом Компартии Чили и, когда партия направила его работать с молодежью, стал членом нашего Союза коммунистической молодежи Чили. Его последние стихи, это когда его уже мучили, когда убивали, говорят мне о том, что он до конца своего остался самым близким человеком нашей партии и комсомолу... Он был веселым, славным парнем, он часто бывал у нас дома и потому был любимцем и моим, и моих детей. Он был типичным чилийским комсомольцем.

...Я могла бы рассказать вам обо всех, скажем, членах нашего руководства. Все они отличнейшие люди с массой заслуг и достоинств, и все они сейчас на тех постах, что определили им партия и комсомол... Но только те, кто сейчас в Чили... — Гладис снова, в который раз, переносится мыслями на родину, — им, конечно, труднее. Они создают антифашистский фронт... Мы все, вся коммунистическая молодежь, работаем над этим, вся организация в полном составе, в полной структуре — с руководством, обкомами, национальными комиссиями; мы все сохранили... Сорок процентов комсомольцев ведут активную деятельность. Не только нелегально, но и на каждом «законном» участке комсомольцы ведут свою работу — и на певческом празднике, и на спортивном событии, они всё делают для того, чтобы сокрушить хунту. Комсомол борется, он активен и боеспособен, в том числе благодаря тем, кто возглавляет его в стране, — тем, о которых вы просили рассказать.

Теперь о тех, кто по решению партии покинул страну. Один из них, член руководства, сам рабочий... У него вся семья — и отец, и братья были коммунистами. В первые же дни после переворота их начали активно разыскивать. Так случилось, что в одной из облав он был схвачен на конспиративной квартире; схвачен, но не опознан. В казарме, куда его привезли, он был избит; после этого, связанного, его вновь доставили в тот же дом — солдаты решили устроить засаду. Потом уже он нам рассказал, что в те минуты, когда он лежал, связанный и избитый под наблюдением двух солдат, он понял, что настал момент выбора — или ждать, или рискнуть, рискнуть, быть может, жизнью. До сих пор трудно в это поверить, но он бежал! Обманул охрану и бежал. По решению партии он был переправлен за границу.

— Не расскажете ли вы, как участвуют в движении солидарности известные музыкальные ансамбли, такие, как, скажем, «Килапаюн». Нас, кстати, часто спрашивают об этих ансамблях читатели «Ровесника».

— О, они играют поистине большую роль!.. Каждый их концерт превращается в настоящий митинг солидарности. «Килапаюн», «Инти илимани», группа Рамоны Парры — это не только ансамбли, это наши лучшие политические агитаторы.

— Я слышал, что вас связывают дружеские отношения с ребятами из «Килапаюна»?

— Да, конечно... У-у, это такая недисциплинированная публика, — Гладис смеется. — Особенно раньше, сейчас-то они другие... Они образовались в конце шестидесятых годов, и некоторые из них тогда входили в движение «МИР» (ультралевые. — *И. Г.*), так что обстановка внутри ансамбля была горячая. Спорили не меньше, чем пели. В те годы они часто бывали у меня дома или мы приглашали их на наши собрания. На такие дружеские встречи — с разговорами, спорами, песнями — часто заходил и Луис Корвалан. Вот так они знакомились с нами, комсомолом, партией. А сейчас они сами ее активисты, сейчас они сами ведут гражданскую, человеческую, личную борьбу. Они отдают ей все, абсолютно все.

— А где они сейчас?

— В Париже.

— Вероятно, часть сборов от концертов идет в фонд солидарности?

— Почти все сборы целиком.

— Пожалуй, последний вопрос... То ли так человек устроен, то ли мир, но мы, вспоминая прошлое, вспоминаем по большей части драматические и трагические эпизоды. Наверное, потому, что в такие моменты жизни люди преступают пределы своего мужества, терпения, выносливости, стойкости... Вчера по телевидению снова показывали кадры о Чили, о перевороте... Вы знаете, у меня такое впечатление... так случилось, что чилийский народ подарил миру две незабываемые картины народного мужества, две фрески естественного и героического сопротивления злу и насилию... Я говорю о знаменитой сцене похорон Пабло Неруды, об «Интернационале», спетом под дулами карабинов. Помните, там время от времени кто-то из толпы выкликал: «Компаньеро Неруда!» — и толпа отвечала: «Презенте!» — «Присутствует!», «Компаньеро Альенде!» — и хор: «Презенте!» И второй эпизод, второе, что, наверное, никогда не забудут, — это гимн Народного единства, это клятвенное скандирование: «Когда народ един, он непобедим!» Этот гимн пели в последние минуты, перед тем как замолчала последняя свободная радиостанция «Магальянос», его пели на фестивале в Берлине, его пели на стадионе в Сантьяго... Мне хотелось бы, чтобы вы сказали несколько слов о мужестве чилийского народа, потому что все мы верим, что мужество ему не изменит, что он победит фашизм, что он не сдастся.

— То, что вы сейчас вспоминали... Дело в том, что эти эпизоды — подтверждение мужества и свободолюбия, вообще свойственных чилийскому народу. Любовь народа к свободе и демократии — вот против чего приходится бороться хунте. Но сейчас свободолюбие сочетается у народа Чили с высокой организованностью, с ответственностью. Сплавленные вместе, эти черты народа непреодолимы для планов хунты. Не только в прошлом, в нынешние дни чилийский народ дает примеры не меньшего героизма и мужества. Эта борьба складывается из многих тысяч личных поступков и безвестных подвигов. Мы знаем, что настанет день, когда этот личный и безвестный героизм поднимет общую волну сопротивления на такую высоту, что волна эта опрокинет фашизм.

„МЫ НЕ ХОТЕЛИ ИХ СИЛЬНО ВОЛНОВАТЬ"

При подведении итогов конкурса «Венгрия в сердце моем», посвященного 30-летию освобождения Венгрии от фашистских захватчиков, первым и совершенно отчетливым желанием редакции было и остается желание поблагодарить всех, кто откликнулся на просьбу «Ровесника» и венгерского журнала «Кепеш уйшаг» прислать воспоминания о событиях тридцатилетней давности. Должны откровенно признаться, что подводить итоги крайне трудно, почти невозможно, как невозможно из многого хорошего выбрать лучшее. Ваши письма, дорогие читатели, еще раз доказали, что связь между людьми, в основании которой лежат уважение и признательность к освободителям народов от фашизма, есть связь поистине вечная. Такая связь выше и значительней любой благодарности. И мы хотим, чтобы воспоминания участников конкурса стали достоянием всех, чтобы действительно никто не был забыт и ничто не было забыто. И это главный итог нашей совместной работы.

Однако условия конкурса таковы, что мы обязаны кого-то выделить. Еще раз говорим, что это трудно, почти невозможно. И все-таки венгерский журнал «Кепеш уйшаг» решил присудить

ПЕРВУЮ ПРЕМИЮ — Евгении Окуневской (УССР, Николаевская обл., село Лысая Гора)
ВТОРУЮ ПРЕМИЮ — коллективу швейной фабрики № 24 (г. Москва)
ТРЕТЬЮ ПРЕМИЮ — Андрею Петрюкову (г. Ставрополь).

«Ровесник» присудил:
ПЕРВУЮ ПРЕМИЮ — Каталине Пингер (г. Будапешт)
ВТОРУЮ ПРЕМИЮ — Шандору Ченгери (г. Татабанья)
ТРЕТЬЮ ПРЕМИЮ — Дюлане Геренчер (г. Дунауйварош)

„В конкурсе мы решили участвовать всем коллективом. Потому что конкурс был нам приятен и стал продолжением нашей работы. Мы отыскали больше пятидесяти волгоградцев, освобождавших Венгрию. К сожалению, среди ветеранов многие тяжело болеют и не могли с нами обстоятельно побеседовать: мы не хотели их сильно волновать» — так писали волгоградские дети.

...Третий день я читаю письма о войне. Никто в редакции не ожидал, что их придет так много, а каждый день все приходят новые и новые. Кажется, им не будет конца. И еще кажется, никто не ожидал, что вспоминать о войне людям будет так трудно. «Мой папа воевал в Венгрии. И хотя он не любит вспоминать о войне, но я попросила его», — пишет из Одессы Елизавета Ломашевская. «Много всего помню хорошо, как сейчас все помню, как будто не было этих тридцати лет, а рассказывать трудно. Мы молодые были, бесстрашные. Мы воевали, как все воевали», — пишет бывший командир взвода Валериан Григорьевич Метляков. «Недавно я узнала от мамы подробно, где она воевала, — сообщает Ольга Пузырева из Абакана. — Раньше она мне не рассказывала о войне. Я думаю, что не рассказывала она мне потому, что эта война принесла много горя. «Сестра, пить! Пить, сестрица...» — не всю жизнь остался в памяти ее этот шепот тяжелораненых».

И все-таки люди вспоминали и вспоминали.

«Когда я сказала Тихону Борисовичу Мерекину, — пишет Лена Мелкова из Иркутска, — о том, что хотела бы рассказать о нем, вы не поверите, у этого человека, который столько перенес, на глазах появились слезы. Он сказал: «Леночка, я тебя очень прошу, фронтовиков беспокойте, пожалуйста, только в силу необходимости. Воспоминания отнимают у них последние дни жизни. Их скромность безгранична, а боль за погибших ни с чем не сравнима».

Я читал письмо за письмом, и, как это обычно бывает, мне казалось, что я уже прекрасно понимаю, как тяжело даются людям воспоминания. Казалось, яснее уже ничего не может быть, когда случилось непредвиденное. На одном из снимков, мне показалось, я узнал отца.

Первое, что я сделал, это не стал рассматривать — я отложил фотографию, потом аккуратно вложил ее в пакет, пакет подержал — может быть, чуть дольше, чем другие, — и положил в общую стопку. Оставшись в комнате один, ничего не думая, не размышляя — руки сами все делали, — я достал пакет. Мне не хотелось, чтобы кто-то застал меня за этим занятием.

Отец был в Будапеште. Мы все в семье знали это, и больше всех, лучше всех, конечно, знала мать. Но я не помню, когда мы вспоминали о его днях там последний раз. Мы прожили без отца, можно сказать, всю жизнь, каждый из нас — я говорю о брате и сестре — берег про себя что-то из воспоминаний о нем. Но что? Прошло почти тридцать лет, как его не было с нами, а мы еще не нашли в себе сил обменяться этими своими воспоминаниями. Да и нужно ли это было? Я не могу решить этого до сих пор. Мы вспоминали его в застолье — это правда; наверняка он сам, уже независимо от нашего желания, порой приходил к нам в наших воспоминаниях, наедине. И вот сейчас вдруг случилось это. Зачем? Пройдя войну, он вернулся, чтобы умереть через два года — весной, и мы все приняли это как самую страшную несправедливость. Но ведь приняли, как приняли многие другие, и жили.

На фотографии расположился саперный взвод (отец и был сапером). Обычная совсем фотография. Все смотрят точно в объектив — они не привыкли позировать и поэтому позируют все до одного. В заднем ряду стоят. Средние сидят: один, даже видно, на стуле, остальные не поймешь на чем. А передние — их четверо — сидят прямо на земле. И крайний слева — у них-то он справа — сидит он.

Чем больше я всматриваюсь, тем больше мне кажется, что это он, а то вдруг кажется, что не может этого быть, и не он это совсем. У матери в доме — одинокий на стене, пожелтевший — висит его портрет. Он увеличен с маленького, совсем, наверное, с крошечного, но портрет этих же дней. И лицо совершенно такое же. Есть в этих лицах какая-то ясная схожесть: это словно бы даже и не выражение черт, это что-то спрятанное внутри, но то, что спрятать до конца человеку никогда не удается, — это взгляд на происходящее. Вот что похоже. Я уж не говорю о чертах лица, тут просто нет сомнения. И мать узнает, не может не узнать.

— Зачем беспокоить? Тревожить мать... Ведь нет его.

Так сказал один из моих товарищей.

Другой сказал: «Напиши. Обязательно напиши тем, кто прислал фотографию!»

Я возил фотографию домой, хотел показать. И не показал. Тяжело было. Перечитал еще раз письмо. Писала его Татьяна Лысенкова из Курска, писала, что разыскивать людей, освобождавших Венгрию, ей долго не пришлось: «Одним из них оказался мой папа». В самом начале письма говорила: «В 1943 году, когда он вступил в ряды Советской Армии, ему было столько, сколько мне сейчас. Но к этому времени этот семнадцатилетний юноша уже перенес много горя». Еще писала вот что: «Когда я попросила папу подробнее рассказать о своих фронтовых товарищах, он достал свою самую дорогую фотографию и долго рассказывал о каждом. О любом из этих людей можно рассказать целую историю».

И я написал письмо ее отцу. Может быть, одна из его историй принадлежит и мне. Я жду ответа. Читаю письма и жду. Кто знает...

Читаю о том, что уже знал давно, не мог не знать, но читать об этом мне стало труднее. «В Будапеште мы понесли очень большие потери, — пишет бывший гвардии рядовой Максим Владимирович Марченков.— И больше всего погибло молодежи. Жалко их было очень, им бы жить да жить». Другие пишут подробней, с какой-то удивительной ясностью воспоминания, будто и правда не было этих минувших тридцати лет. Бывший в ту пору командиром морской пехоты Михаил Владимирович Ашик (из Ленинграда) рассказывает записавшему его воспоминания В. Саблину о боях у Тат.

«На этом участке должно было быть наступление, и нас в двенадцать часов ночи — примерно за шесть часов до наступления — закинули в тыл противника на четырнадцать километров. Мы благополучно высадились, заняли шоссе Будапешт — Вена и изготовились к круговой обороне. Наши должны были прорвать фронт здесь и выйти к нам на соединение. Мы слышали уже грохот и звуки боя, но наши не прорвали фронт на другой день. Мы оказались в окружении. Фашисты неоднократно пытались пробиться по шоссе, но мы сдерживали натиск.

Взвод стоял между шоссе и берегом — это 200—300 метров. Противник шел беспрерывно на нас из деревни Тат. Я видел всю Тат — эти крыши, виноградники. И когда бой кончился, приехал комбриг полковник Смирнов, посмотрел, увидел количество побитых гитлеровцев, сожженных танков... Действительно, там было жарко. Вдоль шоссе стояли тополя, так после четырехдневного боя на них не было ни коры, ни сучьев. Деревья были толстые, древние — лет по сто, так вместе с корой по внешней стороне стволов была срезана и часть древесины — сантиметров на десять. Все это сделали осколки. На деревья и смотреть было жалко.

Посмотрев на все это, комбриг объявил, что я буду представлен к званию Героя Советского Союза. Потом был Указ. В литературе говорится, что в той группировке было двести пятьдесят танков. Не знаю, я двести пятьдесят не видел. Пишут, что мы уничтожили тридцать танков, около восьмисот солдат и офицеров.

А товарищей своих я помню всех. И если бы взять сейчас лист бумаги, список роты написал бы без ошибки. За то время, пока я был командиром взвода, у нас сменилось шесть командиров роты. Самый первый — и самый любимый — был капитан Коваленко. Он погиб под Чепелем. В возрасте был. И умный, сердечный, по моим представлениям. Если смотрит в глаза, даже знает, что ты думаешь. Я много раз засекал: он говорит, и я вижу по его разговору, что он знает, что я думаю сейчас. Душевный был.

Пуля попала ему в правый бок и вышла в левом — на уровне пояса. Он умирал, и мы принесли его в траншею. Его последние слова были: «Не надо плакать, друзья... На войне кто-то должен умереть». Он закрыл глаза, полежал минут пять, его тронули — мертв.

После него был лейтенант Калмыков. Сверхсрочником был еще до войны, в Севастополе, служил на эсминце «Харьков». То есть был уже старым моряком, ему было тридцать лет. Интересный был человек. Усы носил, красивый был. Все его любили. И абсолютно был храбрый. Во время одного боя в Будапеште взбежал на железнодорожную насыпь, недалеко разорвался снаряд, он упал. Все думали, мертв. А потом туда пополз Федя Асанов — был у нас такой матрос — цыган, увидел, что Калмыков жив, и на себе вытащил его. Отправили в госпиталь. Там с операционного стола отправили в покойницкую — думали, умер. Он в покойницкой пришел в себя — санитар вошел, увидел. Его опять на операционный стол. Ногу ампутировали. Сейчас он жив. В Нальчике работает. От правой ноги у него тринадцать сантиметров культя — маленький такой кусочек. Семья, трое детей — после войны родились. Он уже седой — и усы седые, и голова седая, — а человек как был — огневой».

Самый любимый был... Красивый был... Был душевный... Все был и был. Если бы составить словарь их воспоминаний, то самым частым и грустным словом стало бы это БЫЛ. И приходится писать «бывший гвардии рядовой», «бывший командир морской пехоты» — и не хочется писать это «бывший». Не «бывшие» они. Время, о котором они вспоминают, действительно было, в памяти их оно осталось навсегда, и они в своих воспоминаниях остались такими, какими БЫЛИ. Но они там остались, и не «бывшие» они, они там ЕСТЬ, ЕСТЬ навсегда. Они навсегда запомнили свою боль, как Павел Андреевич Галеев на всю жизнь запомнил, как из его раны шла булькающая его кровь... «При переходе открытого участка между домами, — пишет Павел Андреевич (из Кишинева), — меня ранило в голову. Упал и потерял сознание. Очнулся среди однополчан, силился что-то сказать — не выходило. Из раны шла булькающая кровь». А вот пишет Наташа Кондратьева (из Минска) — об отце: «Папа только что вернулся с курорта и теперь лежит — обострение на почве ранения... Мне семнадцатый идет, а ему тогда было восемнадцать. Прямо со школьной парты ушел на фронт. Смотрю на фотокарточку той поры и удивляюсь: какой он был молодой, совсем мальчик, на меня похожий. Я представила его в полной боевой выкладке: ружье ПТР, автомат, противогаз, лопата, гранаты противотанковые — как все это могло держаться на одном человеке, да еще к тому же совсем мальчике? А надо было идти, бежать, стрелять.

Папа открыл глаза и, глядя в одну точку на противоположной стене, медленно рассказывал... Необычные для сибиряка обсаженные фруктовыми деревьями и вымощенные плитами дороги, распятия на перекрестках, островерхие крыши... «Мы знали, куда идем. Будапешт был уже окружен. Несколько гитлеровских дивизий, в том числе танковых, пытались прорвать кольцо, вырваться из окружения. Вот сюда и прибыл наш гвардейский механизированный корпус. Задача состояла в том, чтобы не дать прорваться врагу». И потом: «Совсем рядом с отвратительным воем шлепнулась мина. Опираюсь на руки, пытаюсь встать, но какая-то сила не отпускает меня от земли, в голове шум, ноги не слушаются. Меня подхватили и перебежками, вставая и падая, при вое летящих мин поволокли к особняку. На первом этаже уложили на полу с причудливым узором плит.

Стоят вокруг ребята, стоят прямо, торжественно и печально, а за ними белые колонны, их так много. Потом смешиваются колонны, солдаты... По левой ступне пробегает ток, спина горячая-горячая, а бедро прилипает к полу. И тихо так стало, тихо».

Нет «бывших» солдат, как нет бывшей боли. «Хочу рассказать о Евгении Федоровиче Плотниченко, — пишет Андрей Петрюков из Ставрополя. — Об очень многом мог бы рассказать этот человек, но интервью у него взять, к сожалению, невозможно. Нет, он жив и в здравом уме и памяти. Но в одном из боев в Будапеште Евгений Федорович получил небольшое ранение. Не обратил особого внимания на крошечный осколок, попавший в голову, не до того было. Вокруг гибли товарищи, а у него ведь просто царапина была. Но «цара-

«Это наши солдаты переправляются через Дунай... А вот Будапешт взят.

Мне всего четырнадцать лет. А эти снимки сделал мой отец тридцать лет назад... Конечно, он тогда не знал не только того, что у него будет сын, он не знал даже, останется ли он сам в живых».

(Из фотографий Александра Александровича Сидоренко, присланных на конкурс его сыном Сашей)

пина» отомстила через двадцать лет. Образовался тромб, и его парализовало — отнялась правая часть тела, он потерял дар речи. Потом речь немного восстановилась, но все-таки мало. Но у него есть фронтовой дневник, которым он очень дорожит. Вот лишь небольшой отрывок из дневника лейтенанта Плотниченко, командира роты минометчиков:

«Только к утру вышли на шоссе, идущее к Будапешту. Прошли по нему около двух километров. Голова нашей вереницы остановилась, все легли в выемке около дороги, утомленные ночным путем. Тем более близился рассвет, а в это время сон всегда сковывает глаза.

Мы пришли сменять какую-то часть. От всех рот пришли проводники, чтобы отвести к себе смену. Выбрал я себе наблюдательный пункт, выкопали щель, поставили телефон, осматриваюсь.

Прямо передо мной город, передние дома отмечены снарядами, у домов по всей окраине вырыты траншеи, а дорога шоссейная вся завалена камнями и ежами. Справа от шоссе близко друг к другу два дота или дзота чернеют небольшими амбразурами. Слева, в крайнем кирпичном доме, тоже амбразуры, а дальше блиндажи видны. В общем, хорошо приготовились. И настолько они уверены в прочности своих блиндажей, что затопили печку, и их дым меня прямо разозлил. Я сижу — замерз в щели, есть хочется, а они греются. И начал одним минометом туда стрелять. Когда мины начали рваться на насыпи, гитлеровцы еще больше задымили. Ничего я им сделать не мог.

А тут ко мне пришел Рудаков, комбат «ста двадцаток». Попросил его. Этот, правда, уж как трахнул, так после пятого фугасного разрыва только щепки полетели, а я успокоился».

Жаль, очень жаль, что прислан один лишь кусочек из дневника Евгения Федоровича. Мало кто вел дневники на войне... Лейтенант Плотниченко «не обратил особого внимания на свой крошечный осколок, попавший в голову, не до того было, вокруг гибли». Он и теперь не рассказал о своей ране, это за него рассказали. «Понимаете, — пишет Мария Семеновна Орлова, бывший младший лейтенант медслужбы (и опять это «бывший», никуда, наверное, от него не деться!). — Понимаете, с годами даже самые тяжелые воспоминания окрашиваются юмором. И больше — били нас, и окружали, и к стенке ставили, а сейчас все это иной раз промелькнет перед глазами — и не верится, что мы когда-то действительно со всей страной переживали огромную трагедию». Сейчас Мария Семеновна заведующая колхозным медпунктом в Сырдарьинском районе. А вот ее воспоминание — оно спокойное и простое — о любви.

«Знакомство наше, как ни странно, началось со скандала. Перебинтованный и капризный лейтенантик отказался пить кисель и зашвырнул чашку прямо в окно. Он кому-то угрожал, требовал повара, начальника госпиталя. Я сразу поняла, что он избалован изысканным харчем, потому что до этого лежал в одном из госпиталей Праги. А мы только-только с трудом приобрели глиняную посуду, но и той дорожили, потому что уже надоело кормить раненых из консервных банок. И тут, видите ли, такой номер. Короче, «перевоспитала» я его, а заодно и выходила. С тех пор мы с Юрием Иосифовичем Орловым не расстаемся. И не ссоримся. Он инвалид Отечественной войны, имеет два ордена и три медали, как и я».

И еще, почему и что вспоминают солдаты... Пишет Нелли Храковская: «Я из Одессы, учусь в десятом классе. Никогда не писала (тем более в редакцию), поэтому здорово трусила. Поиск был трудным, я не скрываю этого. И все-таки я нашла то, что искала. Нашла тогда, когда уже начала отчаиваться. Осталась последняя надежда — музей. Решила, не робея, сразу обратиться к начальнику. Корень Леонид Петрович оказался очень милым и симпатичным человеком. И как же я обрадовалась, когда оказалось, что он освобождал Венгрию!

Говорил он чуть глуховато:

— Тяжелые были бои в Венгрии, очень тяжелые... Говоришь, рассказать о боях там. Я тебе, дочка, расскажу всего лишь маленький эпизод. Про большие битвы ты сама знаешь, о них написано много. А то, о чем я надумал рассказать, ты нигде не прочтешь и ни от кого не узнаешь.

В районе Будапешта это случилось, севернее Солдины. Наши части были здорово потрепаны. Несколько дней боев не было, и мы решили загодя — 17 февраля — отметить годовщину Советской Армии. Праздник хорошо прошел. А кроме того, там я познакомился с моей будущей женой — медсестрой Валентиной. Договорились встретиться с ней на другой день. Но этому не пришлось сбыться. На рассвете — ураганный огонь. И танки. Много танков.

Командир полка находился километров за пять от места боя, я был его заместителем и взял командование в свои руки.

Нам было очень трудно. Всего шесть пушек и три гаубицы против сорока танков. Люди таяли на глазах. Около пушек оставалось по одному-два человека. Я перебегал от одного орудия к другому, подносил снаряды, помогал как мог.

И все-таки мы подожгли четырнадцать танков... Бой шел целый день. Этот день был длиннее года... Мы не отступили, решили держаться до последнего. И тем неожиданнее была короткая команда по радио: отступать. Из девяти пушек осталось пять. С трудом вытянули их на дорогу. И опять наткнулись на танки. Снова бой. Пока отбивались, потеряли еще две пушки. И все-таки вышли.

Может, ты, дочка, спросишь, почему я рассказал тебе именно про этот бой. Я скажу тебе. Понимаешь, это был последний случай, когда нам пришлось отступать. Вот, пожалуй, и все. О себе? Да нет, дочка. Я не умею. И так хвалился почем зря. Ведь я такой, как все. Ничем особенным не отличаюсь...»

Это удивительно: никто не хочет говорить «о себе».

«Мы воевали, как все воевали» (Валериан Григорьевич Метляков).

«Что рассказывать о себе? Я такой же, как тысячи и миллионы живых и мертвых, кто воевал» (Василий Михайлович Головцов, г. Тейково).

«На кладбище собралось много жителей... Медленно движутся колонны наших солдат. У памятника советским воинам останавливаются, склоняют головы, минутой молчания отдают последнюю почесть друзьям-однополчанам. Как будто просят у них прощения: «Извините, товарищи... Не всем суждено было возвратиться на Родину...» (Виталий Михайлович Окуневский, село Лысая гора, Украина).

И еще воспоминания. Их множество, они почти в каждом письме. Это воспоминания о доброте на войне.

Николай Петрович Щербань:

«Меня рано утром разбудил капитан, повел к огромному автофургону, где было около пяти тонн кукурузы. Приказал раздавать ее населению. Сперва люди с каким-то недоверием брали, а потом выросла огромная очередь. Там были дети, женщины, старики, раненые солдаты-венгры, и я целый день раздавал эту кукурузу по три-четыре початка. И на всю жизнь запомнил их глаза. В них была радость за жизнь и благодарность за те крохи, которые мы отрывали от себя».

Виталий Михайлович Окуневский:

«В Будапеште выбили противника из одного квартала. Начали проческу чердаков, подвалов. В одном из подвалов на вопрос по-венгерски «Кто есть живой?» — ответил старческий голос: «Я есть». — «Немцы в подвале есть?» — «Нет». — «Выходи, не бойся!»

Выходит старушка и говорит: «А я и не боюсь, я знаю — русские хорошие. Я даже русскую песенку знаю, мой бывший муж был в России в плену и меня научил».

«Что она говорит?» — интересуются товарищи. «Знает русскую песенку». — «Попроси, пусть споет».

И старушка запела: «Вольга-Вольга, мать родная...»

Все вокруг замерли».

Михаил Владимирович Ашик:

«Я должен сказать, что некоторые венгры очень настороженно встретили нас, ведь венгерские солдаты воевали против нас. А когда люди увидели, что мы пленных не бьем, не расстреливаем, не убиваем, беспокойство стало пропадать. А до этого немцы сильно настроили их против нас, рассказывали о нас всякие ужасы. А мы их солдат отпускали по домам сразу же. Население об этом моментально узнало, и относиться стали хорошо. В Будапеште очень страдали люди — ни отопления, ни водопровода, ни еды... И мы, как освобождали какую-нибудь часть города, сразу кормили людей. Наши солдаты в этом отношении очень добрые люди. И все это очень располагало. Венгры все это видели.

А в последние часы штурма Буды к нам пришло несколько рот венгерских добровольцев. Одной из рот командовал капитан Немет. Они были в своей форме, со своими орденами. Мы им дали только офицерские куртки и автоматы ППШ. Мы вместе с ними прошли от штурма горы Геллерт до Королевского дворца».

Складбинский (Киев):

«Наша санчасть остановилась в Орослани. Это примерно километров пятнадцать от Чаквара. Хороший домик напротив церкви, а люди в нем еще лучше.

Жили в нем две женщины, две родные сестры, а у них две дочери — Илонка и Каталина — двоюродные сестры. Старшая уже замужем, из Будапешта сама, с сыном Янеком, лет четырех-пяти. Добрые такие. Молоком поили наших раненых, и нас тоже. Мы платили им символическую плату: литр — 1 пенгё. Пенгё — мелкая монета, ничего тогда не стоила.

Молока корова давала много — двадцать четыре литра в день. Утром ведро до краев и вечером тоже. Очень много нам помогали эти две добрые девушки. Что ни приготовят, всем угостят. Заботливые такие и всегда с участием смотрели на раненых. Лучшую комнату для них отвели, самую светлую.

Интересно, где теперь Илонка? Где Каталина с Янеком? Наверное, у себя в Будапеште... У них еще была лошадь по кличке Манца. Когда наша захромала, нам ее отдали... Спросите соседей, кому сейчас лет пятьдесят-шестьдесят, они знают их. А я помню их и не забываю».

Владимир Иванович Бородин:

«Долго я не решался писать на эту тему... Помню, зима, февраль месяц 1945 года. Мы в селе под Будапештом. Я каждое утро получал паек сахара и табака. Стоял на квартире у одного хозяина, у которого были дети лет десяти-двенадцати. Он говорил мне, война идет и нет сахара для детей, и пояснял, что нужен детям сахар для укрепления костей. Получая паек, я обменивал и табак на сахар и каждое утро носил его детям. Они же, как воробушки, ждали меня у калитки — было морозно — и получали кулечки с сахаром.

Хозяин старался угостить меня венгерскими кушаньями (из мяса, картофеля с орехами), говорил, чтобы я рассказал об их народе своему народу. Хотя очень было трудно в те дни с питанием, вечером в его дом входило много народу — человек двадцать-тридцать — и пели венгерские песни. Просили меня спеть наши. Они хорошо знали песни «Волга-Волга» и о Степане Разине. Вот почему Венгрия в сердце моем».

Все проходит, а доброта остается. Вспоминают о ней в своих письмах и наши венгерские друзья. Вот письмо Шаркёзи Дёже из города Пакш: «Наш Капитан Николай был танкистом и человеком с добрым сердцем. Однажды судьба занесла его к нам, в семью моего отца, знаменитого потомственного музыканта, первого скрипача в округе.

Хорошо же было видеть этого большого сильного Капитана у нас, в кругу семьи. Капитан приносил нам сахар. Мой отец научился советским песням, играл их, а Капитан пел и плясал. Он носил на руках нас с братом. На его коленях мы катались «на лошадках». А как приятно было трогать его награды. Родителей его убили гитлеровцы, и все кончалось слезами, когда он вынимал из портсигара фотографии жены и дочки, о которых он уже давно ничего не слышал.

Как-то моего отца вызвали в советскую городскую комендатуру и попросили пойти в замок Надьдорог, где находились раненые солдаты, и доставить им немного радости своей музыкой. Отец взял меня с собой. Возможно, то, что я увидел там, было не для детских глаз, но это навсегда вошло в мою память...

Среди тяжелораненых лежал и наш Капитан, раздетый, весь обожженный. Жутко было смотреть на этого обожженного человека, у которого на коленях так лихо мы играли «в лошадки», на нашего Капитана, который рвался в бой и хотел дойти до Берлина, чтобы скорее положить конец войне, чтобы вернуться домой и отыскать жену и дочку. А теперь даже и их фотографии сгорели...

И удивительным образом он узнал голос скрипки моего отца, который играл у его изголовья. Все плакали. Капитан ничего не говорил, только смотрел и шевелил пальцами ног в такт музыке. По-настоящему тогда зародилась во мне большая любовь к советским людям».

И еще одно письмо. Из города Тамаши от Сабо Ежефне: «Во время освобождения Венгрии мне было восемнадцать лет. В нашей округе гимназия, школа, здание суда и большинство просторных домов были переоборудованы под госпитали. Мы были в них как медсестры, потому что квалифицированных сестер не хватало. Помню, в одной из палат лежал тяжелораненый. Он потерял руку и ногу, но у него были и другие ранения, потому что он то ли был в полусознании, то ли его усыпляли.

Однажды утром, когда я пришла на работу, в ту комнату никого не пускали. Я пыталась выяснить, почему я не могу войти в комнату, что же случилось. И вдруг услышала сквозь дверь громкий крик: «Мама, мамочка!» Это кричал Владимир, так его звали друзья.

По сей день не знаю, что меня толкнуло на это, но я, не обращая внимания ни на какие запреты, вбежала в комнату. Два военных врача, которые сидели около постели больного, только вопросительно посмотрели на меня, но из комнаты не попросили. Я села на край постели солдата, который по возрасту был не старше меня, и взяла его руку в свою. И тогда врач сказал по-русски, а я за ним: «Я здесь, сыночек». Так я за ним повторила несколько раз, и больной будто и впрямь успокоился и затих. Я гладила его потный лоб, и вдруг он из последних сил притянул меня к себе и поцеловал, видимо думая, что я и есть его мать. Я погладила и поцеловала лоб умирающего. Он еще два-три раза прошептал «мама, мамочка», посмотрел на меня, и из глаз его выкатилась слеза, поползла по щеке, и он умер. Я, как полагается настоящей матери, закрыла его глаза.

У меня не было никакого страха перед умершим, я оплакивала его так, будто на самом деле была его матерью, я, восемнадцатилетняя девушка, — мать двадцатилетнего солдата. И вдруг я почувствовала, что очень состарилась...

Когда вынесли его тело, один из врачей подошел ко мне и сказал: «Дай, я вытру твои слезы, ты тоже маленькая героиня». Эти слова признания и поныне сопровождают меня и много раз вспоминались мне, ведь потом и я стала матерью.

Я не предназначаю свой рассказ для конкурса, просто мне нужно было написать об этом. Может быть, через тридцать лет мать, которая оплакивает своего Владимира, с любовью подумает и обо мне, незнакомой».

Подобных воспоминаний множество (к сожалению, нет никакой возможности привести их все), и, значит, в памяти людей их и совсем неисчислимое количество. Трудно это переоценить. Доброта всегда была и наверняка будет выше всяких оценок, потому что в ней залог мира, цену которому лучше всего знали и знают те «тысячи и миллионы живых и мертвых, кто воевал».

Пришел ответ и мне от Бориса Георгиевича Лысенкова.

«Здравствуйте, Юрий! — пишет он. — С большим волнением читали Ваше письмо в кругу семьи. Много было суждений, предположений, и все сейчас с нетерпением ждут конечного результата этого необычного случая.

А теперь о человеке на фотографии. Фамилия его Акатьев...»

Нет, не он это. Другой. Совсем другой.

Почту конкурса читал Ю. ЛЕКСИН

Фолькер ШИЛЬКЕ

ТРЕТИЙ СЕМЕСТР

Портрет международного студенческого отряда «ГДР-25»

Апрель семьдесят пятого, Москва... Для студентов социалистических стран — это дата первой встречи, на которой они обсудят общие дела и общие планы. Учеба и научная деятельность, конкурсы по общественным и естественным наукам, самодеятельность и стройотряды, наконец, участие во всемирных молодежных акциях солидарности — круг общих интересов студенчества поистине широк... Апрель семьдесят пятого — это еще и канун 30-летия Победы над фашизмом; благодарность советскому солдату-победителю, верность идеям мира и братской дружбы — вот что еще созвало студентов социалистических стран на их первую встречу.

Мы предлагаем вашему, читатель, вниманию короткий репортаж об одном из тридцати трех международных студенческих лагерей, работающих летом в ГДР. Репортаж о том, каков он, студенческий интернационализм, в действии.

Место действия: заброшенная ветка двухколейной железной дороги между Потсдамом и Магдебургом. Эту трассу называют дорогой дружбы, так как добрая часть грузов, перевозимых по ней, следует в Советский Союз или же из СССР в ГДР Вскоре и по «студенческой» ветке помчатся со скоростью 120 километров в час поезда.

Задача: расчистка вручную участка полотна длиной в 750 метров и одиннадцати с половиной километров с помощью специальной машины; прокладка дороги рядом с полотном.

Студенты: всего в группе 86 человек, из них почти половина — 42 — девушки; это начинающие юристы и педагоги Берлинского университета имени Гумбольдта, химики Московского государственного университета имени Ломоносова, философы, юристы, математики и биологи Будапештского университета.

Лагерь: состав из 25 комфортабельных спальных вагонов на запасном пути в Бранденбурге; если смотреть издали — словно нитка зеленых камней.

Работа: трудная, особенно для девушек. Это, однако, не означает, что работают без удовольствия. «Не чересчур трудно, нет», — с трудом подбирая немецкие слова, улыбается изящная Ольга Бормотко. Все же всем девушкам строго-настрого приказано делать перерывы.

Свободное время: кино, танцы, воскресные прогулки по городу, спортивные соревнования; но прежде всего — беседы и дискуссии обо всем, что волнует студентов, то есть чуть ли не обо всем. И наконец, просто посиделки на траве рядом с вагонами. Веселье — через край, особенно когда берутся за гитары Виталий и Гога. Ах как не хочется в конце концов отправляться спать!

Климат: по-всякому (это что касается погоды); климат в отряде от погоды не зависит, барометр настроения всегда показывает «ясно», а когда в программе стоит: «Национальный день...», тут уж «исключительно ясно» (ну, допустим, когда венгерские студенты решают угостить друзей своими народными песнями и... наперченной по-мадьярски картошкой).

Язык: русский и немецкий, в особо трудных случаях в ход пускаются английский и язык жестов.

Забота: как о родных, говорит Миша Овчинников. Эта оценка тем более лестна, что Мише чуждо невнимательное отношение к желудку. Представитель магдебургского предприятия по железнодорожному строительству Ганс-Георг Маркевич стал для студентов крестным отцом. Вкусно ли поели? Все ли обеспечены рабочей одеждой? Не холодно ли в вагонах? Справляются ли девушки со специально для них введенными нормами?

Соревнование: участвует каждая бригада. Председатель штаба — Петра Хильдебрандт, члены — бригадиры; каждый вечер — совещание у руководителя лагеря, студента-педагога Клауса Хиршмейера. Глядя на хрупкую Петру, вряд ли заподозришь в ней избыток энергии, но кто видел, как она распекала Рейнхардта за недостаточное рвение в работе, тот знает...

Солидарность, интернационализм: естественно, очень сильны в таком международном студенческом общежитии. Главная акция солидарности — субботник солидарности с чилийским народом.

Цель: хотя не следует сбрасывать со счетов сотни тысяч марок, которые дает народному хозяйству этот лагерь под Бранденбургом (полное его название: лагерь Свободной немецкой молодежи «ГДР-25»), главная цель все же другая. За эти четыре недели юноши и девушки проверяют себя в непривычных условиях. Работа в отряде помогает социалистическому развитию личности и чувства коллективизма. Здесь в совместной работе по-настоящему познаются друзья.

Итог: кто был здесь, кто пережил эти четыре недели совместной работы и совместной радости, тот непременно мечтает о новом таком же третьем семестре.

Хроника жизни отряда «ГДР-25». На предыдущей странице: когда-нибудь ребята будут вспоминать — вот и по этим рельсам «въезжали» мы в жизнь. У студентки из Венгрии, Эвы Томпа сегодня день открытий — вот они как выглядят, трудовые мозоли... На этой странице: Петра Хильдебрандт и химик Володя Козлов, ветеран студотрядов (у него за плечами Сахалин-70 и 71) в «неофициальной» обстановке. Нормальный, студенческий вечер в одном из вагонов отряда.

Фото из журнала «НБИ», Берлин

ЛАБИРИНТ МИНОТАВРА

ПЕЛЛЕ СВИНГ СВЕНСОН,
двукратный чемпион мира по борьбе

Это правда. Да, я был добровольным подопытным кроликом. Безо всякого на то принуждения, то есть полностью отдавал себе отчет в том, что делаю. С января 1970 года моя спортивная жизнь изменилась в корне. И все мое существо. Метатель молота Ларс Инге Стрем, с которым я повстречался в Упсале, рассказал о новом гормональном препарате. «Тебе он здорово подойдет, — говорил он мне. — Допинг, которым в 60-х годах пользовали себя американцы, превзойден. Новое средство — просто фантастика!» Вернувшись домой, в Стокгольм, я все думал о совете Ларса. Хорошенько поразмыслив, я пришел к выводу, что комплекция некоторых моих соперников на международной арене увеличивалась с необыкновенной быстротой. Сейчас мне это показалось подозрительным. Может быть, они набирали вес, как набирают его куры? Но куры с силой льва? Я был неплохим борцом, но не чемпионом среди чемпионов. Неуязвимость моих соперников, не отличавшихся в начале карьеры какими-то особыми данными, меня раздражала. Поэтому я позвонил Ларсу, который мне посоветовал обратиться за консультацией к профессору Рольфу Луфту из отделения эндокринологии Каролинского госпиталя в Стокгольме. Профессор принял меня очень быстро, объяснил, что этот препарат неопасный, а курс можно начать немедленно, но в глубокой тайне. Гормон, создающий сверхчеловека, должны были вводить каждые две недели. Как и мой приятель, шведский дискобол Рики Брух, я хотел стать спортсменом № 1. Никто из тех, кто серьезно занимается спортом, не будет обрекать себя на изматывающие тренировки только лишь для того, чтобы стать звездой деревенской величины. И я, настоящее дитя викингов, не хотел, чтобы меня побеждал какой-то там румынский крестьянин или чешский сапожник! Я думал, что, как и Рики, сумею остановиться без особых проблем, достигнув вершины. На сегодняшний день Рики перенес операцию обоих колен: в результате применения «Тестоверона» сухожилия не выдержали неимоверного увеличения силы и лопнули, как иссохшие травинки. Но об этом или никто не знает, или не желает говорить!

Первый укол был очень болезненным. Восемь дней болело все тело. Я с трудом мог садиться. Когда тренировки были интенсивными, меня била дрожь, я чувствовал каждую жилку. Ужасно! И я никак не мог привыкнуть! А вот второй укол вызвал огромный прогресс: я почувствовал, как изменилось мое тело. Через месяц я стал совсем другим. Просыпаясь рано и чувствуя себя в прекрасной форме, я мог работать, ни минуты не отдыхая, целый день, как лошадь. Чем тяжелее были тренировки, тем лучше я себя чувствовал. Новый Пелле Свенсон рождался в радости. Я был подобен малолитражке с мощным двигателем, которая обрела способность соперничать с гоночным суперавтомобилем.

Окончив университет и не испытывая особого желания приняться за работу, что оставило бы мне слишком мало времени для тренировок, я решил поступить на факультет права и воспользоваться студенческими каникулами для того, чтобы подготовиться к чемпионату Европы, а также к чемпионату мира в Эдмонтоне, в Канаде. Всего три месяца уколов, и какая радость! В дни, когда не было тренировок, я вставал раньше всех и учился. Я стал очень требовательным ко всем, кто меня окружал. Они не успевали за бешеным ритмом моей жизни. У супермена Свенсона оказался скверный характер. По натуре уступчивый и спокойный, я стал очень часто терять терпение и выходить из себя по пустякам. Дело дошло до того, что моя жена Мона заволновалась: «Неужели это возможно, чтобы уколы до такой степени могли изменить человека?» Мона с самого начала очень сдержанно относилась к этому эксперименту и согласилась на него против своей воли. Но она была одной из того небольшого круга людей, кто знал. Весна 1970 года прошла очень быстро. Мои занятия продвигались раза в три быстрее, чем того требовал университет. Спарринг-партнеров мне приходилось менять через каждые две-три минуты, так я их выматывал. Я превзошел себя. На чемпионате Европы, в открытом бою, я завоевал первое место, чего вот уже семнадцать лет не случалось со Швецией. За двенадцать уколов я догнал мировую элиту!

Через месяц, сделав еще два укола, я стал в Канаде чемпионом мира. Находясь в сногсшибательной психологической форме, я провел самые замечательные в своей жизни недели каникул в Скалистых горах. В Стокгольме фанатики борьбы ликовали, однако пресса со скептицизмом восприняла «открытие» моих совершенно новых талантов.

Моя спортивная форма продержалась все лето, хотя сразу же после чемпионата я прекратил уколы. Осенью я опять превратился в обычного человека и даже проиграл одному из мрачных соотечественников во время какого-то деревенского турнира.

С меня было довольно титула чемпиона мира, и я не думал его защищать в сентябре 1971 года в Софии. Но из-за намеков шведских журналистов о моем «счастливом случае» в Канаде и о том, что подобная случайность дважды не повторяется, я принял вызов и в мае, за четыре месяца до соревнований, возобновил тренировки. Возобновил и чудодейственные уколы — раз в три недели. Как и раньше, я дал себе время войти в новую оболочку, затем очень скоро обрел сверхактивность.

Через несколько дней после рождения дочери (это произошло в мае 1971 года) я попал в больницу с ужасными болями в животе. Дома я тогда жил холостяком и съедал за один присест шесть свиных отбивных котлет! В машине «скорой помощи» я подумал, что, пожалуй, одна котлета все же была лишней. А оказалось, что у меня был приступ аппендицита. В июле мое здоровье восстановилось, но до чемпионата в Софии оставалось всего два месяца. Они-то и стали самыми тяжелыми в моей жизни. Чтобы войти как можно быстрее в спортивную форму, мне приходилось много времени проводить на ногах, а дома, в Сундсвалле, поднимать тонны «железа». И вдруг безо всякой на то причины у меня начались неприятности с мышцами.

Сначала это произошло с правой дельтовидной мышцей, которая обволакивает плечо. Диагноз — растяжение связок. Затем — разрыв большой спинной мышцы. Быстрое выздоровление, однако, не устранило неприятного впечатления от открытия, что мои мускулы распадаются. Я стал слишком сильным для своих сухожилий и мышечных тканей. В то время я побил все свои рекорды: вырывал более 200 килограммов и 236 раз мог проделывать упражнения для брюшного пресса, имея на каждой ноге вес по семь килограммов.

Приехав более сильным, чем когда-либо, в Софию, я выиграл перед 38 тысячами зрителей, пришедших посмотреть соревнования, финальную схватку у болгарина Колева. Гормон сделал меня неуязвимым, сомнения более меня не тревожили. Своему тренеру, который советовал бой с жестким и агрессивным Колевым вести осторожно, я резко заявил: «Успокойся, это всего лишь ребенок!» А по шведскому радио, которому я после победы дал интервью: «Я никогда себя не чувствовал так хорошо. Я побью любого в будущем году на Олимпийских играх в Мюнхене». Мою «наглость» шведская пресса восприняла с неудовольствием. Впоследствии я старался объяснить свои слова действием шампанского, которое после моего триумфа текло рекой. Шампанское, конечно же, было, но именно гормон ответствен за мою безграничную самонадеянность. Я стал, лучше сказать, вновь стал, очень несдержанным, и критика, прозвучавшая в печати, на которую я не обращал никакого внимания, когда «пользовал себя минеральной водой» — это огромный козырь для любого спортсмена, — особенно задела меня за живое сейчас, когда я боролся, находясь на гормональном режиме.

Я стал двукратным чемпионом мира, и мир вокруг меня изменился. Посыпались приглашения, в мою честь все больше организовывалось вечеров, устраивалось концертов, произносилось речей. Мои доходы тоже увеличились. Они были не такими, как у «свободных спортсменов», зарабатывающих по 400 долларов за вечер ежедневно в течение лета. Эти «кочевники мускулов» не ради своего удовольствия таскаются по дорогам, а чтобы заработать на жизнь. Хотя я был настоящим спортсменом-любителем, отныне благодаря своим титулам я зарабатывал значительно больше и ни от чего не зависел, чтобы готовиться к Олимпийским играм, которые должны были состояться в августе 1972 года.

Вообще-то мне не следовало возобновлять гормональные инъекции, но я уже очутился в порочном кругу. Инъекции стали мне надеждой, моим спасательным кругом, без которого я бы немедленно утонул в океане соперничества. Перед Мюнхеном Мона категорически отказалась дать свое согласие на инъекции. Но я пошел даже на риск семейного разрыва и против ее воли продолжал уколы. Все ждали от меня золотой медали, и у меня, зажатого в тиски бесконечной гонки современного спорта, не было иного выхода. Не будет гормонов — не будет золота! Превзойти себя или исчезнуть. За четыре месяца до начала игр я приступил в Карлсборге к тренировкам, но, едва лишь гормоны стали оказывать свое обычное чудесное воздействие, я очутился... распластанным на земле. Во время бега по лесу в результате новой неприятности с мускулами. Произошел разрыв икроножной мышцы. Раньше у меня болели спина и плечо. Теперь мистическая болезнь обрушилась на ноги. За восемнадцать лет жизни в спорте со мной ничего подобного не случалось. Травма была настолько серьезной, что мне пришлось собрать чемоданы и вернуться домой. Менее чем за три недели разрыв зарубцевался, но я чувствовал себя все более и более странно: мне казалось, что я будто нахожусь в теле чужого человека. Мона заволновалась. Как-то она спросила меня: «Пелле, ты что, выпил? Ты выглядишь не совсем нормальным». Накануне мы были у друзей на небольшом празднике. Я очень хорошо переношу алкоголь, хотя пью редко. На другой день после вечеринки я ничего не пил. И в этот день поэтому должен был быть совершенно трезвым. Однако Моне показалось, что я «заглянул в рюмку»! Это фальшивое опьянение явилось для меня открытием: из-за гормона моя печень стала много хуже работать, и ее способность выведения вредных веществ из организма резко снизилась, поэтому алкоголь там ненормально долго задерживался. Тогда же я решил прекратить курс и выбросил в урну две последние ампулы.

Чтобы разрядиться от энергии, которую я мог использовать лишь частично, мне приходилось прибегать к максимальным нагрузкам, чтобы как можно сильнее уставать. К моим психологическим проблемам прибавилась весьма определенная болезнь: после выздоровления, которое оказалось просто-напросто одной видимостью, стала давать о себе знать левая икроножная мышца. У меня было ужасное ощущение, будто раненый мускул постоянно «гуляет» по ноге, что он убежал из своих оболочек и порвал все связи с сухожилиями. Как только заживало одно повреждение, немедленно появлялось другое. Мои мышцы стали хрупкими, как стекло. Однако накануне Олимпийских игр у меня было ощущение, что я полностью выздоровел — как морально, так и физически.

В Мюнхене моим первым соперником был молодой болгарский атлет, одна из звезд нового поколения. Матч с ним закончился вничью. Решение судей меня окрылило, поскольку я отдавал себе отчет в том, что молодой болгарин вообще-то превосходил меня по всем статьям. Последние минуты схватки были очень тяжелыми — я гнулся, не держал дистанции. Прерванный гормональный курс больше не оказывал своего действия. Я выбросил свой последний шанс на медаль в урну вместе с двумя последними ампулами своего допинга. Я опять стал обычным Свенсоном. Одно меня утешало, что мой будущий соперник, финн Маапяа, — не Геркулес. Но после известных событий соревнования на Олимпиаде были на время прерваны. Потом Международный олимпийский комитет решил продолжить игры. Была заново проведена жеребьевка, которая меня сильно озадачила, поскольку мой новый соперник, Том Хем, был борцом совершенно иного класса, чем финн Маапяа. В самом начале поединка острая боль разорвала мою спину снизу доверху, до самого затылка. Будто меня обожгло каленым железом. Том Хем недоверчиво посмотрел на меня, потом — черная пропасть. Я потерял сознание, но от этого мне не стало лучше. Когда я пришел в себя, доктор Стромбах, врач нашей делегации, склонился надо мной. Я лежал в раздевалке на массажном столе. Пошевелиться не было сил: левая рука и вся левая сторона будто умерли. «У вас порвана большая спинная мышца, — сказал врач. — Как старая тряпка. Игры кончились для вас».

И спорт тоже.

Перевел А. КЛИМОВ

О ТОМ, КАК ЛЕВ ПРЕВРАТИЛСЯ В КУРИЦУ

Александр ИВАНИЦКИЙ,
четырехкратный чемпион мира по вольной борьбе в тяжелом весе, победитель Токийской олимпиады

Большому числу любителей спорта имя автора статьи мало что говорит. Несмотря на двукратную победу на чемпионатах мира, П. С. Свенсон не оставил заметного следа и в истории борьбы. Бывает так. Вроде бы именит, и выступал на ковре с десяток лет, а не запал в душу.

Первым из наших атлетов с ним «схлестнулся» чемпион мира в полутяжелой весовой категории — москвич Валерий Анисимов. Позвонил ему, спросил:

— Помнишь ли своего соперника?

— Да, встречался с ним в 1966 году в Толидо (США) на первенстве мира, — ответил Анисимов. — Чуть выше среднего роста. Блондин. Делает неплохо «бедро». Мягкий и эластичный, проводит этот прием внезапно. Первый раз увидел Свенсона, подумал — прямо мальчик. Личико такое свежее. Выиграл тогда в Толидо у шведа два очка. Немного, говорите?! Я-то считаю, достаточно. Хоть опыта у него турнирного явно недоставало, умный оказался, точнее, осторожный.

Следующий мой разговор состоялся с тренером сборной СССР, чемпионом мира в среднем весе В. Олейником. На вопрос, чем запомнился ему Свенсон, он, подумав, ответил:

— Если коротко, то простой, контактный парень. Очень любил собирать автографы у знаменитостей. Боролся неплохо. «Звезда» не экстракласса, но тем не менее. Волевой. Умел собраться, настроиться на поединок, а так обыкновенный, сказал бы. — И, как бы спохватившись, тренер переспросил: — А собственно, чем вызван к нему такой интерес?

Услышав, что Свенсон утверждает, что выигрывал благодаря допингу, В. Олейник от неожиданности присвистнул:

— Вот те раз! Не ожидал от него такой штучки. Ведь у него было все: и быстрота, и уравновешенность. Гонял немного. Весил 102 килограмма, а для борца пару-другую килограммов согнать вообще не вопрос. Чудак он. И без допинга мог стать чемпионом. Высший титул шведу был по плечу. В призовой тройке не один год «сидел». А с такими асами, как Радев (Болгария), Мартинеску (Румыния), наш Яковенко, повозишься, сам метром станешь... — И, выдержав паузу, Валентин добавил: — К семидесятым годам Свенсон уже вполне, по-моему, созрел для золотой медали. Тем более с В. Меркуловым, выступавшим за сборную, ему легко было бороться. У Василия силища огромная, а вот с мягкими и гибкими соревноваться не любил.

Итак, мы с вами как бы познакомились с Пелле Свингом Свенсоном со слов других.

Но гораздо принципиальнее разобраться в том, что он сообщает сам о себе. Вроде бы на поверку все просто. «Наглотался» возбуждающих пилюль и «одним махом семерых побивахом». Но мне почему-то не хочется верить первой фразе свенсоновской статьи: «Это правда».

Правда ли?!

У борцов, даже не подразделяя их в данном случае на представителей социалистических и капиталистических стран, прием тонизирующих препаратов — вещь непопулярная. Неизвестно, когда тебя вызовут на ковер: психофизиологические особенности организма, подверженного сгонке веса и прочее, сделали допинг в нашей среде неприемлемым. Хорошо. Но, в конце концов, может, не о тонизирующих препаратах идет речь, а скорее о медикаментах, способствующих наращиванию мышечной массы? И тут незадача. Метатель, штангист, тяжеловес могут в большей или меньшей степени быть заинтересованы увеличением мускульной массы. Но для всех остальных, втиснутых в жесточайшие рамки весовых категорий, проблема стоит совершенно в другом плане. С каждым лишним граммом ведется упорнейшая

война. Парная баня, различные диеты — вот круг разговоров, от которых зачахнет посторонний человек в борцовской компании. А ведь Свенсон принадлежал именно к такой группе спортсменов, незаядлых сгонщиков, но тем не менее атлетов, обеспокоенных лишним весом, а не лихих едоков, умеющих «за один присест съедать шесть отбивных котлет».

Не наговаривает ли на себя скандинавский чемпион?

Впрочем, ради золота — в данном случае не мифически медального (давно уже из благородного металла награды не делают), а реальных бумажных купюр («...Мои доходы тоже увеличились, — пишет Свенсон, — отныне благодаря своим титулам я зарабатывал значительно больше и ни от чего не зависел») — настоящие дети викингов, не желающие проигрывать «румынским крестьянам или чешским сапожникам», могут решиться на что угодно.

Пожалуй, тут именно и кроется разгадка. Да, ради денег написана статья, и вопрос о том, принимался допинг или не принимался, как бы вторичен. Так, значит, деньги и вытекающая отсюда этика Свенсона — вот что главное в исповеди экс-чемпиона мира.

И поэтому, хотел он этого или не хотел, Пелле Свенсон выступил перед нами не как спортсмен, а как артист оригинального жанра. Он исполнил номер, который можно с полным правом назвать душевным стриптизом.

Он подписался под собственной нечистоплотностью и по законам спорта и человеческой морали должен вернуть «заработанные» нечестным путем награды высшей пробы. Вполне вероятно, что президент Международной федерации борьбы Милан Эрцеган (Югославия) именно так и поставит этот вопрос. И если Свенсон написал правду, то позволим себе не поверить, что он «в открытом бою завоевал первое место».

Ну а если он не ведает, о чем говорит?

Врач сборной СССР по борьбе В. Чеселевич потчевал одного нашего «нервного» богатыря пилюлями из подслащенной муки. И тот, уверенный, что получает снотворное, заспал перед чемпионатом, как невинный младенец. Такова сила внушения, и опытные психологи прибегают к нему часто и охотно. Не проделали ли подобный фокус и с впечатлительным Свенсоном?

Могут быть и другие мотивы. Создать рекламу новому препарату. Желающих превратиться в калифов на час в «потустороннем» мире хоть отбавляй. И свой рассказ, изобилующий душещипательными подробностями («...мои мышцы стали хрупкими, как стекло... меня обожгло будто каленым железом... вся левая сторона будто умерла... у вас порвана большая спинная мышца»), Свенсон перемежает рекламой допинга, его чудодейственных свойств («...за двенадцать уколов я догнал мировую элиту... сделав еще два укола, я стал в Канаде чемпионом мира... прекратив уколы, превратился в обычного человека... гормон сделал меня неуязвимым» и т. д.).

И чем больше вымысла и чепухи прозвучит, тем лучше. «Шведский лев» приводит цифру, которая должна привести в замешательство даже самого Василия Алексеева. Куда ему, бедняге, с его рекордом в рывке, равным 187,500, тягаться с суперменом Пелле Свингом Свенсоном, которому удалось зафиксировать в этом движении... 200 килограммов! Вот так-то, дорогой читатель.

Впрочем, стоит ли удивляться? Мы говорим, что спорт формирует человека, и говорим неправду. Главную роль играет общество, социальная система. И тут уж ничего не поделаешь. Думаю, вы сами уже успели разобраться в том, что собой представляет этот «богатырь», каков его кругозор и какова амбиция. Но в заключение еще пару цитат «шведского льва» с комментариями.

«Никто из тех, кто серьезно занимается спортом, не будет обрекать себя на изматывающие тренировки только лишь для того, чтобы стать звездой деревенской величины», — пишет Свенсон. Автор этого примечания, три года самозабвенно занимаясь в техникуме волейболом, не получил даже третьего юношеского разряда. Не было способностей. Однако полюбил эту игру и готов был спать прямо на площадке, лишь бы дали поиграть за команду.

«Я стал двукратным чемпионом мира, и мир вокруг меня изменился», — пишет Свенсон, имея в виду приглашения, банкеты, доходы.

Бедные наши спортсмены! Ну, наверное, к примеру, Ю. Власова тоже по-человечески волновало, увеличат ли ему, допустим, жилплощадь, учтя его чемпионские титулы, или нет. Однако куда ему с его идеей собрать библиотеку редких книг до свенсоновских запросов. Впрочем, предоставим читателю возможность самому поразмыслить над этой историей и ее героем.

МУЗЫКА «БОЛЬШОГО УДАРА»

История поп-музыки (она же рок-музыка, биг-бит и т. п.) насчитывает немногим более двух десятилетий. Однако суждений об этом направлении современного музыкального искусства скопилось, пожалуй, не меньше, чем рецептов от облысения. Причем столь же безнадежно радикальных и категоричных... Тем откровеннее звучит признание одного из ведущих знатоков современной эстрады, американского музыкального критика Рапфа Глисона: «Мы до сих пор точно не знаем, чем объяснить популярность рок-н-ролла. Он популярен, и все тут».

И все же необходимость в осмыслении этого феномена есть. И потому, что поп-музыка, бесспорно, привлекает значительные массы молодежи на Западе. И потому, что увлечение биг-битом стало источником как экономической, так и духовной эксплуатации молодого поколения. И потому, наконец, что рок предлагает своим почитателям иллюзию некоего «замкнутого сообщества молодежи». На деле же мы имеем дело с тенденцией, с политикой тех, кого принято называть сильными буржуазного мира. Они предпочитают, чтобы подрастающие поколения были заняты музыкальными заботами, а не общественными. Они подчеркивают: да, биг-бит — удел молодых, и пусть «конфликт поколений» проходит здесь, в музыке, а не в политике.

Под звуки шлягеров радио и телевидение сообщают о событиях в мире, рекламируют политических деятелей и стиральные порошки. За минувшие два десятилетия музыка — ценнейшая валюта культуры — подверглась сильной инфляции. Музыка стала обыденностью, частью окружающей среды. Производство музыки сделалось мощной отраслью индустрии, а ее пропаганда — сильным рычагом психологического воздействия. Никогда еще музыка — в силу ее всепроникающего характера — не служила столь эффективно определенным целям. Больше того, бит-музыка, олицетворенная своими идолами, стала навязывать новую модель поведения.

Две статьи, которые вы прочтете в этом номере, не претендуют на то, чтобы дать полный ответ на вопрос о том, что сегодня представляет собой мир рок-музыки; они рассматривают этот феномен с двух сторон. Со стороны «технологии» воздействия на психику молодых слушателей биг-бита, «раскрепощающего их инстинкты», — этому в основном посвящена статья сотрудника сектора музыки НИИ художественного воспитания детей Валентина Ивановича Петрушина. И со стороны социальной роли бит-музыки в западном обществе — об этом пишет Джереми Ларнер, чью статью мы перепечатываем из американского журнала «Ридерз дайджест».

Появление такой статьи — явление симптоматичное. Дело в том, что рок-н-ролл появился в качестве реакции на засахаренные образцы буржуазной культуры, на медоточивые речи о том, что «нужно быть хорошим, и все остальное будет замечательным». Но молодежь Запада стихийно не желала шагать в рай мещанского накопительства, не желала занимать уготованное ей место в жесткой социальной сетке капитализма.

Пафос Ларнера обращен к тем взрослым на Западе, которые еще морщатся при первых аккордах электрогитары. С позиции «умного взрослого» автор пишет, что увлечение рок-н-роллом не самая худшая неизбежность. Подразумевается, что стихийный протест молодежи, ограниченный стенами концертных залов, куда безопаснее протеста против самой системы ценностей западного общества; пусть их, молодых, объединяют бешеные ритмы музыки, а не бурные волны демонстраций... Так что со своей точки зрения Дж. Ларнер прав, говоря, что поп-музыка оказывает услугу западному обществу.

В рамках жанра бит-музыки работают, конечно, и талантливые люди, чьи вещи имеют не только богатую музыкальную фактуру, но и отмечены высоким накалом социального звучания. И тут кроются опасные для устоев буржуазного общества заряды. О некоторых из этих исполнителей мы писали в предшествующих номерах «Ровесника».

Однако «умные взрослые» на Западе культивируют у подростков увлечение экстравагантной поп-музыкой, тем более что это приносит музыкальным фирмам стабильный доход. Они охотно поощряют шоу типа Элиса Купера, о котором вы прочтете. В силу своей кажущейся «запретности» эти зрелища привлекают большое количество юных зрителей, которым не так-то легко разобраться в общем шуме, что к чему...

НЕИЗБЕЖНОСТЬ РОК-Н-РОЛЛА?

ДЖЕРЕМИ ЛАРНЕР,
американский журналист

Почему музыкальный жанр, известный как «рок-н-ролл», сохраняет по сей день свою шумную популярность? Уже при рождении его, в 1954 году, раздавалось немало голосов, обвинявших **жанр** в том, что он «взывает к низменным инстинктам» и «культивирует вульгарность». Немало организаций, церковных и общественных, возмущенных неистовством и беспорядками, возникавшими среди молодых зрителей на концертах рок-н-ролла, требовали попросту запретить его.

Сейчас о роке уже нельзя говорить как о капризе моды. Он существует и благоденствует. Точнее, не сам рок-н-ролл, а его **ритм.**

Традиционная песня строится из тридцати двух тактов; рок упрямо повторяет один и тот же рефрен из 8—12 тактов. Когда слушатель целиком отдается незыблемому, тяжкому ритму, растворяется в нем, он как бы «выбирает» свой якорь из пространства и времени. Сложный мир вещей вокруг расплывается, становится нереальным; единственная реальность — это ритм, который превращается как бы в продолжение человеческого естества. Все мирские заботы исчезают, захлестнутые поднимающимся возбуждением и наконец восторгом. Это сон наяву, в котором остались лишь ощущения. Весь мир свелся к ритму, вобравшему в свою плотную массу амальгаму вселенной; ритм непререкаемый, всевластный, как стук пневматического молота.

Могут возразить, что не меньшую ритмическую нагрузку несет и джаз, однако сущность джаза — в непрерывной импровизации, взывающей к куда более богатой гамме ощущений, а главное, требующей гораздо более интенсивного внимания. За ходом развития джазового произведения надо **следить.** Рок, напротив, притупляет внимание; его неотвязный ритм повергает в гипноз своей монотонностью. Если смотреть под этим углом зрения, то рок-н-ролл — своего рода феномен ритуального радения, призванный создать атмосферу религиозного экстаза.

Обожание исполнителя — это лишь следствие обожания ритма. Не случайно певцы рок-музыки объединяются в ансамбли. Новая музыка требует коллективного лица, и с определенной точки зрения чем меньше индивидуальных особенностей у поющей многоликой единицы, тем лучше.

Рок не имеет себе равных по ударной силе воздействия на чувства. Этим и только этим можно объяснить успех, подобного которому не знала ни одна музыкальная форма. Нас не удивляют больше газетные сообщения о беспорядках во время концертов рок-групп. Более того, это всего лишь закономерная реакция нормального человека в подростковом возрасте.

Основной слой покупателей пластинок рок-музыки и посетителей поп-концертов — мальчики и девочки 13—17 лет. По словам одного из американских специалистов, изучающих психологию «рок-публики», ребята в этом возрасте образуют «замкнутое сообщество»; они делают все сообща и совершенно одинаковым образом.

Каждому времени — свои танцы. Полька и танго символизировали ритм жизни наших дедушек, фокстрот — наших отцов. А рок — это ритм сегодняшнего дня... Подростки дружно признают почти физическую невозможность для своего поколения избавиться от «чувства растерянности и беспокойства». Возможно, плаксивые аккорды электрогитары и мятущийся ритм как раз и способны лучше, чем слова, выразить это беспокойство времени?

Растущая популярность новой музыки, видимо, в какой-то мере является результатом переоценки ценностей и перемен, происшедших в нашем атомном веке. Вот что говорит об этом молодой калифорниец: «Мое поколение живет в страхе. Но не перед бомбой. Бомба — это только символ. В действительности же молодежь боится взрослых».

Подросток неизбежно сталкивается с трудностями при переходе из детства во взрослость. Он уже больше не ребенок и имеет все меньше и меньше возможности для игры. Ему необходимо думать о будущем, которое представляется весьма неясным; думать о выборе, замыкающем его в определенной профессии и определенной форме жизни. Ему предстоит принять ценности современного ему общества, которые зачастую он стихийно отвергает.

Отсюда неизбежное следствие: по-

Истерия — закономерная реакция подростков на эффекты воздействия, которыми коммерческие ансамбли окружают музыку «большого удара». И вот результат: лондонские полицейские с трудом удерживают поверженных в транс поклонниц, жаждущих разодрать своих идолов на сувениры.

дросток чувствует себя ущемленным, и это свое ощущение ему как-то необходимо выразить. На мой взгляд, рок-н-ролл оказывает ему здесь двойную услугу: он вводит его в контакт с ему подобными, разбивая тем самым одиночество, и в то же время предоставляет относительно безопасный выход для его антисоциальных наклонностей. Звучит противоречиво? Возможно, но разве во «взрослом» мире мы не видим, как множество людей накачивает себя стимуляторами, желая «быть в форме», чтобы потом принимать такое же количество успокоительных таблеток?

«Наш век, — пишет один семнадцатилетний парень, — это век скоростей, полетов в космос, и нам, конечно, нужно изобрести форму искусства, которая соответствовала бы этому многообразию ритмов и этой потребности в скорости».

То же повторяет студент: «Нашей цивилизации шумов нужна подходящая музыка».

Оглушение поп-музыкой помогает перешагнуть порог, ведущий из детства в пугающий самостоятельностью мир взрослых. Для миллионов подростков, которые в одном лишь прошлом году передали миллиарды в руки хозяев индустрии рока, объединение под сенью одного кумира становится как бы знаком «посвященности». Другие могут слушать эту музыку (некоторые радиостанции вообще не передают ничего, кроме поп-музыки и рекламы), но принадлежит она тем, кто ее финансирует. А тот факт, что многие взрослые морщатся при первых звуках электрогитары, придает этой музыке дополнительную прелесть в глазах подростков, которым необходимо противопоставить миру взрослых что-то свое собственное. Так что рок-н-ролл — неизбежность. И, кажется, не самая худшая.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ „ТАЙНЫ" „БИТ-МУЗЫКИ

В. ПЕТРУШИН

Когда мы говорим о музыке, о ее достоинствах, мы имеем прежде всего в виду ее эстетическое воздействие на слушателей, богатую гамму переживаний, которые она вызывает. В этом смысле вся музыка, вне зависимости от ее жанров, представляет одно целое. В последнее время, однако, на Западе стали все настойчивее подчеркивать особенности и специфику публики, увлекающейся концертами и фестивалями поп-музыки. Некоторые видят эти особенности в возрастном и социальном составе слушателей, другие выводят их из характера современной жизни, требующей, в частности, быстрого усвоения и переработки информации, способности к переключению с одной деятельности на другую, что невозможно без развитого чувства ритма и времени. Поп-музыка, считают они, не только отражает разнообразные ритмы современной жизни, но и в определенной степени способствует развитию процессов торможения и возбуждения.

Здесь мы подходим к теме нашего разговора. Мы попробуем рассмотреть те психофизиологические эффекты, которые объективно вызывает поп-музыка, а также те физиологические эффекты, которые у слушателей вызываются сознательно и на которых открыто спекулируют некоторые западные исполнители.

Музыка, как и всякое иное искусство, имеет свои специфические средства выразительности. Эти средства — ритм, динамика (громкость звука), темп, регистр, тембр, мелодия, лад и гармония. В классической музыке все эти компоненты образуют неразрывное единство, воздействуя на человека всей своей совокупностью. Однако еще в прошлом веке композитор Н. А. Римский-Корсаков патетически воскликнул: «И все-таки главное в музыке — ритм и только он один». Слова эти были адресованы классической музыке; тем более они верны по отношению к поп-музыке, тут даже неискушенному слушателю ясно, что в ней преобладают ритм и динамика звучания.

Зарубежные музыковеды считают, что истоки мелодизма композиций популярного квартета «Битлз» прямо восходят к песням Шуберта и Шумана. Но ни один критик не посмеет сказать, что у ритмической стороны песен «Битлз», а также их продолжателей и подражателей столь же дав-

нее начало. Спрашивается, почему именно эти средства выразительности — ритм и динамика — приобрели столь большое значение в диалоге «музыка — эмоциональное состояние человека»?

Все эмоциональные состояния человека характеризуются определенным комплексом биотоков мозга. Например, состояния глубокого покоя дают в электроэнцефалограмме медленные ритмы с частотой от 2 до 3 колебаний в секунду, так называемый дельта-ритм. Состояния общей эмоциональной возбужденности характеризуются появлением бета-ритма с частотой от 12 до 16 колебаний в секунду. Когда человек слушает музыку, в его мозгу происходит настройка — синхронизация — ритмов биотоков мозга и ритма звучащей музыки; тогда-то человек и начинает испытывать положительные эмоции. При отрицательных эмоциях в коре головного мозга возникают десинхронные ритмы, то есть ритмы биотоков мозга на разных его участках имеют, помимо своих особых характеристик, еще и разную частоту.

Восприятие музыки основано на вероятностном предвосхищении как мелодии, так и ритма. При этом ритм человеку предвосхищать значительно легче — в силу универсальной, повсеместной природы ритма в окружающем нас мире. Именно поэтому восприятие легкой музыки легче восприятия классики, где прогнозировать, предвосхищать надо еще и мелодию, и множество других компонентов.

Музыка действует больше всего на подкорковые центры человека, которые непосредственно управляют нашим эмоциональным поведением. Но, как говорил великий врач XVI века Парацельс, «все есть яд и все есть лекарство. Важна лишь мера». Тот психический заряд, который посылают эмоциональные центры подкорки в кору головного мозга в процессе восприятия особо жестких, нагнетающих чрезмерное напряжение ритмов бит-музыки, объективно является чрезмерно сильным. Сильным настолько, что мозг, попросту говоря, срывается порой с тормозов. Человек уже не в силах контролировать свои реакции, когда выключается механизм регуляции разумного поведения, выработанный за его сознательную жизнь.

Поговорим теперь о значении динамики звучания. По мнению зарубежных исследователей, занимающихся выяснением причин дорожных происшествий, одной из них, приводящих к столкновениям на дорогах, является чрезмерное возбуждение водителя автомобиля громкой ритмичной музыкой биг-бита. Такая музыка, вырывающаяся из радиоприемника в машине, вводит человека в сумеречное состояние, шофер поневоле повышает скорость, и... последствия нетрудно представить.

Подобных примеров, показывающих силу физиологического воздействия музыки на человека, приводящих к печальному исходу, можно было бы привести очень много. Например, в Древнем Китае существовала смертная казнь при помощи барабанного боя. Звуки барабанов, превышавшие болевой порог человека, приводили к спазмам сосудов головного мозга, и человек погибал. Особую роль здесь, видимо, играло также то, что большие барабаны способны производить звук низкой частоты, по своим характеристикам приближающийся к инфразвуку, удивительные свойства которого открыты в последнее время. Инфразвук, например, способен разрушать массивные стены. Во время землетрясений дома рассыпаются не только от подземных толчков, но и под действием инфразвука — стены начинают вибрировать с частотой инфразвука, и в результате резонанса дом рушится, наподобие того, как проламывались мосты, когда по ним проходил полк гренадеров, шагавших в ногу.

Органы нашего тела, как и все другие предметы внешнего мира, имеют свою частоту колебаний, которая лежит в диапазоне инфразвуковых частот. Поэтому, когда человек воспринимает инфразвук (именно воспринимает, так как инфразвук не слышен), внутренние органы его тела и сосуды начинают вибрировать, а при чрезмерной силе инфразвука могут разорваться. Некоторое время назад в мировой печати появились публикации о кораблях, экипажи которых, как предполагают ученые, погибли от инфразвука, рожденного в эпицентре шторма за много миль от него...

А теперь снова обратимся к музыке биг-бита, музыке, которая дословно переводится как музыка «большого удара». Обратим внимание на ту роль, которая в биг-бите с его мощной аппаратурой отводится усилителям низкой частоты. В первую очередь — это многократное усиление звучания бас-гитары. Благодаря такому усилению, помимо своей основной роли — обеспечения фундамента гармонии, — она выполняет и специфическую функцию большого барабана.

В нынешних ансамблях микрофоны ставятся перед каждым участником, в том числе и перед ударником, поэтому в звуках барабанов, особенно том-тома и большого барабана, опять-таки выводятся на полную мощность низкие частоты. Благодаря такому многократному усилению у человека в зале возникает ощущение, будто у него начинают вибрировать все внутренности, а общая атмосфера вокруг настолько насыщается звуком, что ее можно сравнить только лишь со своеобразной звуковой парилкой. Конечно, смертельные исходы на концертах бит-ансамблей — явление редкое, так как мощностей барабанов и бас-гитары для этого все же недостаточно. Но вот припадки истерии — вещь вполне обычная.

Известный английский физик Генри Вуд, прославившийся не только своими интересными экспериментами, но и эксцентричными выходками, принес однажды на концерт инфразвуковой генератор, спрятанный в небольшом чемоданчике, и включил его во время выступления певицы. Когда он это сделал, у певицы и у некоторых слушателей начался истерический припадок. Так что, когда некоторые поклонники бит-музыки уверяют меня в том, что она имеет бóльшее эмоциональное воздействие, чем классическая музыка, и приводят в доказательство количество людей, падающих в обморок при слушании бит-музыки, есть все основания сомневаться в правомерности подобных «доказательств». Здесь действует отнюдь не потрясение гениальной музыкой, а чистейшей воды физиология. Ведь не приходит же нам в голову считать алкоголь или наркотик, вернее, те эмоциональные состояния, которые они вызывают, более ценными и значимыми, чем эмоциональные состояния, которые вызывает в нас музыка Бетховена или Шопена!

«Не секрет, что все разновидности рока заведомо рассчитывают на психофизическое воздействие звуковых волн, — пишет британский музыкант Джералд Мур. — Одна из наиболее известных композиций группы «Слейд» носит красноречивое программное название: «Иди сюда, послушай этот грохот». Оно вполне оправдано. Почти все исполнители бит-музыки имеют тенденцию повышать силу звука, полагая, что тем больше будет «эффект восприятия».

В Англии даже родилось соревнование на самую громкую группу, победителем которого оказался ансамбль «Дип Пёрпл». Правда, впоследствии они приняли решение снизить интенсивность звука. Менеджер группы Джон Колетта заявил: «В принципе хоть какой-то контроль должен быть. Мы не смеем закрывать глаза или, вернее, уши на последствия».

Бит-ансамбли оснащены внушительными комплектами радиоаппаратуры, вес которой в некоторых случаях доходит до 40 тонн. При этом сторонники «эффекта воздействия» забывают, что слуховая восприимчивость человека, подходя к болевому порогу где-то в районе 110 децибел, дальше уже не растет, так как под влиянием сверхсильного раздражителя клетки головного мозга впадают в запредельное торможение. В особенно неблагоприятном положении оказываются люди, обладающие слабой нервной системой. Для них звук в 80 децибел — предел возбуждающего действия. Между тем, как пишет журнал «Биллборд», Элтон Джон отказывается выступать в том случае, если в момент кульминации интенсивность звука не будет достигать «хотя бы» 110 децибел...

Как и в других искусствах, в музыке большую роль играют контрастные сопоставления. Обычно настоящие музыканты не очень высоко ценят тех исполнителей, которые гремят, как пустые котлы, так как почти всегда в таком исполнении отсутствует высокий художественный вкус, не говоря уже о тонкой нюансировке и интонационной выразительности — они тонут в общем звуковом потоке.

Хотелось бы в связи с этим напомнить золотое правило, гласящее, что «музыка начинается с тишины». Один из выдающихся педагогов нашего времени, профессор Московской консерватории Генрих Густавович Нейгауз, любил говорить своим ученикам (среди которых были и Рихтер, и Гилельс), что «звук должен быть закутан в тишину, звук должен покоиться в тишине, как драгоценный камень в бархатной шкатулке»...

Следует сказать также и о других эффектах. Представьте себе: на сцену выходит популярный певец, свет в зале гаснет, и ослепительный луч прожектора выхватывает только его, он один на сцене, и кажется, кроме него, в мире нет никого. Уже один такой несложный трюк может загипнотизировать сидящих в зале и ввести их в своеобразный транс, подобно тому как это происходит на сеансах массового гипноза. Такая концентрация внимания делает человека более эмоционально отзывчивым, более внушаемым. То, что в обычном состоянии на него не производило впечатления, в состоянии гипнотического транса воспринимается как событие большой важности. Поглощаемая без всякой критики, на большом эмоциональном подъеме, такая информация глубоко проникает в сознание человека и оказывает сильнейшее влияние на все его поведение. Не случайно поэтому так часто пишут о том, что отношение любителей бит-музыки к их кумирам напоминает отношение толпы к могущественным повелителям: идолы могут приказать своим почитателям, сгрудившимся у их ног, все, что угодно. Приверженцы бит-музыки склонны видеть в этом печать особого дарования того или иного кумира, но на самом деле мы имеем дело с одной из разновидностей массового гипноза, закономерно возникающего при соответствующих условиях.

То, что свет и цвет способны оказывать

непосредственное воздействие на человека, известно давно. Зеленый цвет успокаивает центральную нервную систему, голубой — вызывает ощущение прохлады, красный — оказывает сильное тонизирующее действие: под действием его, например, быстрее заживают раны.

Умелое использование цветного освещения — так, чтобы оно соответствовало эмоциональному тону, — вещь очень действенная. Сильному психологическому эффекту во многом помогает закон сенсибилизации, который гласит, что чувствительность одного анализатора (органа чувства) повышается при одновременном воздействии на другой анализатор. Например, чувствительность вкусовых клеток языка повышается, когда пища освещается более ярко. Другой пример — балетная музыка нам нравится меньше, если мы ее только слушаем по радио, но не видим танца.

Наверное, теперь становится понятным, почему такое сильное возбуждающее действие оказывают на слушателей движения рук певца, заставляющего зал дружно скандировать в такт песне. Это, в общем, распространенный прием, которым пользуются почти все эстрадные певцы. Но на многих концертах бит-музыки этот прием усиливается еще с помощью ритмического мигания света в такт музыке. Таким образом, сам по себе ритм, невероятная сила звука и, наконец, ритмическое мигание света — все это образует гигантский генератор ритмических импульсов, которые, воздействуя одновременно на все органы чувств человека, способны довести его — и в некоторых случаях доводят — до припадка... Между прочим, в Древнем Риме при покупке рабов будущий хозяин проверял, нет ли у раба «падучей» (так называли в те времена эпилепсию), следующим образом: раба заставляли смотреть на солнце через вращающееся колесо. Мелькание света и тени неминуемо приводило, если человек был склонен к этой болезни, к припадку.

А вот недавнее сообщение. В одном из майских номеров лондонской газеты «Таймс» за прошлый год писалось, что после концерта Давида Кэссиди более семисот человек было отправлено в больницы с различными повреждениями, начиная от сердечных кризов, полученных в неимоверной давке поклонников и поклонниц кумира, и кончая тяжелыми болями в области желудка (воздействие инфразвука). Это событие вызвало гневный поток писем в адрес организаторов концерта за то, что ими не была обеспечена необходимая безопасность (!) слушателей. В связи с этими событиями в некоторых концертных залах и клубах в настоящее время устанавливаются специальные ограничители звука, которые автоматически отключают установленные в зале динамики, как только сила звука превышает установленную норму в 96 децибел. Администрация разумно аргументирует нововведение тем, что слушание бит-музыки не есть только личное дело пришедшего на концерт человека. Например, героин так же, как и музыку, люди принимают «добровольно», однако общество своими законами запрещает его употребление и тем самым охраняет здоровье людей даже против их воли.

Как видим, успех немалого числа бит-ансамблей во многом зависит от описанных выше психологических трюков. Но это далеко не все. Ознакомьтесь с описанием хотя бы вот такого «действа».

Медленно гаснет свет, рождая приветственный рев толпы, потом недоуменные вопли — прошло уже пять минут, а в зале темно, на сцене пусто. И вдруг — трах-ба-бах! — взрыв, и на сцене в клубах едкого дыма возникает скелет в белом саване. Грозно топоча сапожищами из леопардовой шкуры, скелет подходит к рампе и запускает в публику живой курицей. В первых рядах гвалт и смятение. Шоу непревзойденного мастера «рока ужасов» Элиса Купера началось!

За спиной скелета (это и есть Купер) выстраиваются музыканты. Четыре здоровенных парня одеты в белые шелковые платьица с оборочками. Голосом, напоминающим скрежетание ножа по тарелке, Купер запевает первую песню, из которой явствует, что «мертвые детки не в состоянии позаботиться о себе». Тезис наглядно подтверждается возникающей прямо из воздуха окровавленной кукольной головкой. Отпев, Купер щедрой рукой швыряет голову в зал.

В дальнейшем Купер разделывается с полудюжиной крупных — в рост человека — кукол: вспарывает им животы, краска-«кровь» фонтаном заливает платьица оркестрантов. В финальном номере Купера вздергивают на импровизированной виселице. (Комментарии маэстро: «В этом месте они всегда аплодируют. Почему? Да потому, что они рады, что на этот раз повесили не их».) Первое отделение окончено.

Во втором отделении — лирическая часть. Откуда-то из-за уха Купера выползает настоящий удав. Змей-приятель ползает по солисту, а солист повествует о страстной любви. Следует еще несколько номеров с растерзанием кукол, после чего на сцену выкатывают гильотину. («Я хочу сказать этим, что возмездие непременно наступит и ни одно преступление не останется безнаказанным».)

Преступника находят при помощи детской считалочки, что-то вроде «Царь — царевич, король — королевич» и т. д. «Кто ты будешь такой?» — выпадает на Купера. Его подтаскивают к гильотине, он упирается. Барабанная дробь, опускается тяжелый нож, и «голова» Элиса Купера, суперзвезды, катится под ноги зрителей.

Но, кажется, все обошлось благополучно: из-за гильотины вылезает живой и невредимый Элис Купер в белом фраке. Еще один взрыв какофонии, всеобщий апофеоз, концерт окончен.

Элис Купер (настоящее имя его Винсент Фюрнье) стал первооткрывателем нового стиля, который критики определяют как «черт знает что». Скандалы сопровождали его выступления повсюду. Так, во время гастролей в одном из техасских городков сквозь публику продрался какой-то фермер с крупнокалиберной винтовкой и заорал: «Эй ты, то ли девка, то ли парень, если ты сейчас отсюда не смотаешься, я тебе голову разнесу! Пусть меня берут потом в каталажку». Для рекламы сгодилась и эта история; вместе с другими она образовала настоящую мифологию. Плохой рекламы не бывает, поэтому Купер торгует не только дисками, не только скандалами, но и собственными туалетами: кровавые лохмотья, золотые сапоги на платформе и ситцевые мини-платьица — для юношей; мыльная пена для ванн «Мойся вместе с Элисом» и духи «Аромат любимого скелета» — для девушек.

Сам Элис Купер любит рекомендовать себя так: «Я конечный продукт разлагающегося общества, перекормленного сексом и насилием. Общество, которое создало Франкенштейна, породило и Элиса Купера. Я плюю в лицо этому обществу. Все эти трюки, конечно, полный бред. Но за него хорошо платят».

Где же здесь искусство? В подобных шоу оно и не ночевало... Острый пунктирный ритм вместе с доведенной до крайних пределов громкостью звучания в сочетании с мелькающим окрашенным цветом способны взвинтить психику до предела, рождая в человеке эмоциональное состояние тревоги и агрессивности. Все это достаточно простые для объяснения средства, но тем не менее они очень действенны, и кумиры публики хорошо знают это.

Успех поп-музыки — явление многослойное. И его, естественно, не объяснишь одними лишь физиологическими факторами. Это явление и социальное, и даже политическое.

В этой связи мне представляется интересным замечание американского журналиста Джереми Ларнера о том, что рок-н-ролл (впрочем, как и любое массовое увлечение) вводит подростка в контакт с ему подобными. В социологической литературе это явление получило название феномена «мы и они». В процессе восприятия зрелища появляется общность аудитории, и это «мы», похоже, предшествует даже самому акту восприятия, поскольку «мы» возникает из противопоставления тем, кто не «мы» — кто не попал на данный концерт, кто не является поклонником данного исполнителя. В осознании себя как «мы» мятущееся «я» находит, пусть на время, спасение от одиночества; удовлетворяется потребность в общении: есть с кем говорить, есть о ком и о чем говорить. В этом возрасте — от 13 до 17 — происходит неизбежная смена авторитетов. Подростку кажется, что обожание личностей или явлений, от которых «многие взрослые морщатся», подтверждает его способность мыслить самостоятельно. Но на деле старый авторитет просто-напросто сменяется новым — личности, противопоставленной миру взрослых. Так что желанного избавления от всяческих авторитетов не происходит. Это прекрасно известно создателям кумиров и «звезд» поп-музыки в капиталистических странах.

Любопытно процитировать в этой связи статью музыкального обозревателя Д. Мелли из британского еженедельника «Обсервер»:

«Для аудитории музыка поп-ансамблей перестала быть символом веры. Это лишь средство развлечения. «Больше ты не увидишь широко открытых глаз», — сказал мне недавно приятель, работающий в фирме грампластинок. Им нравится, что музыканты вроде Джеггера и Тауншенда цинично откровенны в своем стремлении выколачивать из музыки деньги. Они причисляют их к пантеону святых за «честный цинизм». И бизнес на поп-музыке и пластинках приобрел новые очертания, особенно явственно это наблюдается в Америке. Невероятный, фантастический взлет «Битлз», вырвавшихся из подвалов на самый большой в мире стадион, — уже проторенная дорожка. Лишь единицы хотят теперь изменить мир; более реалистичные стремятся извлечь из него личную пользу. Поп-музыка стала шоу-бизнесом».

В заключение разговора хотелось бы отметить вот что. Бит-музыка сейчас, в последнее время, перестает быть доминирующим жанром. Все больший вес в Соединенных Штатах, да и в других странах приобретает основанная на фольклоре «кантри-мьюзик» и прочие формы национальной музыки. Это закономерно. Пройдет еще какое-то время, и в музыкальной шкатулке века останутся лишь вещи, отмеченные подлинной новизной и талантом. А шелуха канет в забвение.

ОСТОРОЖНО: БОЛЕЛЬЩИКИ!

Когда футболисты английского клуба «Манчестер юнайтед» выбегают на свое поле, они первым делом приветственно машут в сторону одной трибуны. В ответ им несется дружный, хорошо отрепетированный рев. Появляется противник — та же трибуна разражается оглушительным свистом ненависти. Это особая трибуна: для фанатиков. Ее посетители непременно одеваются в цвета любимой команды — красный и белый. Непременные атрибуты также красно-белые шарфы и флаги, древки которых превращаются легко в дубинки, когда настает время драки. А без нее редко когда обходится матч. В прошлом сезоне администрация стадиона «Манчестер юнайтед» сочла за благо отгородить эту вулканическую трибуну от футбольного поля толстой металлической решеткой, из какой в зоопарках делают клетки для опасных хищников. Опыт учит... Буйства английских болельщиков давно уже стали составной частью профессионального футбола. Рядовым происшествием считается уничтожение железнодорожных вагонов, в которых зрители приезжают «поддержать» свой клуб в другой город. Это считается «проявлением патриотизма»...

Так вот о решетке. Фанатики «Манчестер юнайтед» не обиделись. Наоборот. Они даже почли за честь свою принадлежность к «элите». Не всякого, в самом деле, пускают в клетку. Это право еще надо заслужить.

А ЧТО РИСУЮТ?

Книголюб
Рис. Харальда Заттлера, журнал «Штерн» (ФРГ).

ВСЕ ТА ЖЕ ДИТРИХ

О ней с восхищением писали Эрнест Хемингуэй и Жан Кокто. О ней с изумлением говорят и сегодня. И не в прошедшем времени, но с признательностью к прежнему, не постаревшему к 72 годам таланту. Ее песни слушали солдаты союзных войск в Африке, Сицилии, Исландии, Франции. А в конце прошлого года ей вновь аплодировали в Англии, США, Канаде, Латинской Америке...

Говорят, ее молодят аплодисменты, успех. Сама она, правда, считает иначе: «Я не певица. У меня иное ремесло — чувства. А это штука очень рискованная. С меня довольно, если хотя бы один-единственный человек в зале будет тронут моими песнями». Это Мари Магдалена фон Лосх, известная миру как Марлен Дитрих.

О ПОЛЕТЕ. Ричард Бах, бывший летчик, а ныне известный писатель, автор книги «Чайка Джонатан Ливингстон» (в русском переводе опубликована в журнале «Иностранная литература» № 12 за 1974 год), сожалеет, что прошли времена Сент-Экзюпери, когда каждый полет был открытием новых чувств. Теперь полеты стали обыденностью. Вот почему, когда Флоридский авиационный институт присвоил писателю звание почетного доктора наук, Бах от степени отказался, попросив взамен право на чтение цикла лекций по «философии полета». Цель курса — научить людей чувствовать радость парения в воздухе. Учебное пособие — последняя книга Баха «Дар крыльев». В конце предусмотрены практические занятия — ночной полет. Человек остается один в кабине летящего самолета; надо просто слушать шум моторов и глядеть в звездное небо. И тогда, считает Бах, «если не подведет автопилот, вы поймете, что полет — это такое же естественное состояние человека, как и любовь. И, как любовь, его объяснить невозможно».

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

Человек, который так тщательно обмеряет одну из башенок Кентерберийского собора, не американский покупатель. Да и английское правительство вряд ли решится продать собор за океан вслед за лайнером «Куин Элизабет» и знаменитым мостом через Темзу. Этот человек — реставратор: камень ведь тоже не вечен. Специалисты подсчитали, что восстановление древнего собора обойдется в 3,5 миллиона фунтов стерлингов. Между тем администрация Кентерберийского аббатства такой суммой не располагает; за помощью к правительству она тоже не может обратиться, так как в 1913 и 1953 годах были приняты законодательные акты, по которым государство обязано участвовать в восстановлении всех памятников старины, кроме церквей. Аббатство пыталось сэкономить хотя бы на рабочей силе — организовало собственную школу монахов-реставраторов; в течение двух лет они обучались сложному искусству резьбы по камню и другим премудростям средневековых мастеров. Но и это не спасает положения. Тогда архиепископ Дональд Коггэн обратился к народу Англии с призывом о добровольных пожертвованиях (собор был построен в XII веке на деньги прихожан). Народ Англии, однако, не раскошеливается: тяжелые времена. Видимо, поэтому журнал «Обсервер», из которого взята эта фотография, озаглавил свою статью так: «Кентерберийский собор ждет чуда».

КАК БЫТЬ СО СЛОНАМИ?

Африканские слоны, уже подвергшиеся массовому истреблению на рубеже нынешнего и прошлого веков, снова попали в беду. Браконьеры опять рыщут в поисках слоновой кости, которая быстро растет в цене на мировом рынке. Власти молодых африканских государств прилагают большие усилия по охране «королей саванны», но с браконьерами справиться нелегко. За последние два года в Восточной Африке перебиты тысячи слонов. Притом жертвами в первую очередь становятся самые рослые и сильные животные, с мощными бивнями. Гибель вожаков вносит полный разлад в жизнь стада. Специалисты предсказывают, что в этих условиях резко снизится продолжительность жизни животных, так что ущерб усугубляется с каждым годом. Главный лесничий Кении заявил, что «борьба с нелегальными охотниками вступила в решающую фазу».

На снимке: добыча, отобранная у браконьеров полицией города Момбасы.

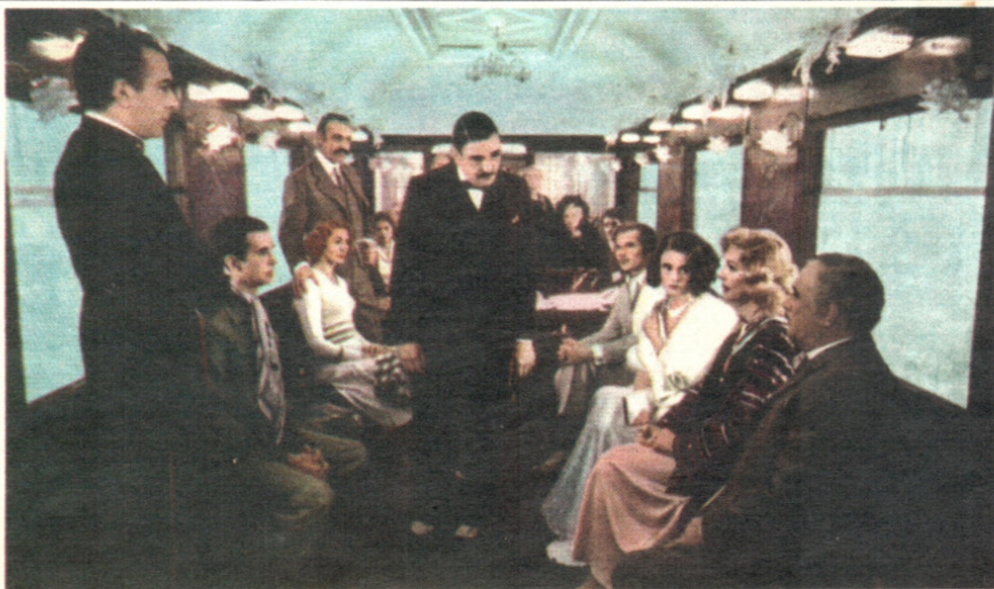
„СПОКОЙНО, СНИМАЮ!"

Снимок, который вы видите перед собой, доказывает лишний раз, что возможности обычной фотокамеры далеко не исчерпаны. На снимках ньюйоркца Джона Зиммермана из баскетбольной серии, например, можно увидеть головоломные моменты: руки и ноги летают по воздуху совершенно самостоятельно, оторванные от туловища и превращенные в змеистые спирали, голова может иметь два лица, туловище... сами видите. Секрет фокуса фотомастер держит в тайне. Известны лишь отдельные детали. Скажем, капелька маслянистого крема на объективе способна дать неожиданный эффект, например увеличив муху до размеров слона.

УБИЙСТВО НЕ ТАК ВАЖНО...

Если в титрах фильма значится, что он снят по роману Агаты Кристи, легко догадаться, что сюжет «закручен» вокруг таинственного убийства, а расследует преступление сыщик Эркюль Пуаро. Список исполнителей фильма «Восточный экспресс» вместил целое созвездие громких имен мирового кинематографа: Ингрид Бергман, Ванесса Редгрейв, Шон Коннери, Энтони Перкинс, Джон Гилгуд и, наконец, Альберт Финни в роли Пуаро. Это не первое кино-убийство и для известного американского режиссера Сидни Люмета, чья картина «Двенадцать разгневанных мужчин» шла на наших экранах.

Однако внимание зрителей и критиков фильм привлек не детективным сюжетом (его нет смысла пересказывать, поскольку книга издана на русском языке) и не игрой знаменитых актеров. Дело в том, что картина воплотила то, что называют сейчас термином «ретро». Это сокращение от слова «ретроградный», воинствующий поборник старого. В данном случае стиль «ретро» подразумевает ностальгию по давним временам, поэтизацию «доброго старого времени», когда еще не грянула война, целы были колонии, а разговоры не вертелись вокруг кризисов и инфляций. Для воспроизведения во всех деталях этой эпохи продюсеры не пожалели 1,5 миллиона фунтов стерлингов, ожидая, что публика, жаждущая освобождения хотя бы на два часа киновремени от повседневных забот, вернет деньги сторицей.

песни Виктора Хары

Знамена в сердце

Свободно, выразительно

A-hí, de-ba-jo de la tier-ra no es-tás dor-
mi-do, her-ma-no, com-pañ-e-ro. Tu co-ra-
zon o-ye bro-tar la pri-ma-ve-ra que co-mo
tu so-plan-do i-ra en los vien-tos A-
-hí en-ter-ra-do ca-ra al sol la nue-va
tier-ra cub-re tu se-mill-a la ra-
-iz pro-fun-da se hun-di-rá y na-ce-
-ra la flor del nue-vo di-a, y na
-ra la flor del nue-vo di-a

Piu mosso

¡A tus pies he-ri-dos lle-ga-ran
2. -qui her-ma-no, a-qui so-bre la tier-ra.
las ma-nos del hu-mil-de lle-
El al-ma se nos lle-na de
-ran sem-bran-do
-ge-ros ya-van-zon.
tu muer-te mu-chas
A-qui, her-ma-no a-
vi-das tra-e-rá que
-qui so-bre la tier-ra el
ha-cia don-de tu i-bas mar-cha-ran
al-ma se nos lle-na de ban-de-ras
can-tan-do
ya //

Tempo I

Al-lí, don-de se o-cul-ta el cri-mi-nal
tu nom-bre brin-da el ri-co mu-chos nom-bres.
El que que-mó tus a-las al vo-lar no a-pa-ga-
-rá el fue-go de los po-bres na-a-pa-ga
-rá el fue-go de los po-bres ¡A von-

Piu mosso

zon cont-ra el mie-do ya-van-zan cont-ra el
mie-do ven-se-re-mos, ven-se-re-

Ускоряя

mos, ven-se-re- -mos!

Товарищ наш,
в сырой могиле
ты сна не знаешь,
тебя не победили.

Ты сердцем слышишь, как весна
поет с рассвета, —
и ты поешь, согретый
дыханием ветра.

Лицом к солнцу был ты погребен.
Земля тебя, как зернышко, укрыла.
Словно мак, взойдешь ты над
землей —
и новый день зардеет над могилой.
И новый день зардеет над могилой.

Пахари в день сева по весне
касаются руками в тишине
твоих рук.
Твоя смерть породит новых людей,
они дорогой твоей, с песней твоей
пойдут, друг.

И над землей твоей, наш воин
павший,
знамена рдеют жарко в сердце
нашем,
зовут в бой!
Всегда будешь ты пылать, воин
наш павший,
пылать жарко в душе горестной
нашей.

И на берлогу, где твой палач залег,
потоком лавы прольется наша кара.
Тем, кто крылья твои украдкой
сжег,
не погасить народного пожара.
Не погасить народного пожара.

И нас не остановят

El de-re-cho de vi-vir po-
e-ta jo-chi-mín, que gol-pe-a de Viet-
nam a to-da la hu-ma-ni-dad. Nin-
gún ca-ñón bor-ra-rá el sur-co de tu ar-ro-
zal. El de-re-cho de vi-vir en
paz. 2. In-do- Для повтор. Для оконч. El de-re-cho
de vi-vir en paz!

es el canto universal
cadena que hará triunfar,
el derecho de vivir en paz.

1. «Жизнь прекрасна, мир
един», —
Сказал поэт Хо Ши Мин:
«Человечество — семья.
Наш дом сегодня — вся Земля!»
Друзья, прислушайтесь, нам
Поет о мире Вьетнам.
Всем, кто честен, не нужна
Война!

2. Голос разума, звучи!
Огонь расплавит мечи.
По веленью добрых рук
Проложит борозду плуг!
Но я пою вам о том,
Что вновь кошмарным цветком
Полыхает среди пальм
Напалм...

3. Дядя Хо, огонь любви
Несут нам строки твои.
Ветвь оливы зелена.
Да будет проклята война!
Пусть песня эта звучит!
Пусть белый голубь парит!
Всем, кто честен, не нужна
Война!

Читатели «Ровесника» просят опубликовать тексты и ноты песен известного чилийского поэта, композитора и певца Виктора Хары. О его жизни и творчестве мы писали в № 1 журнала за 1974 год. В этом же номере была опубликована и его песня «Аманда и Мануэль».

Предлагаем вашему вниманию еще четыре песни Виктора Хары: «Колыбельная негритенку», «Мир народам» и «Человек-творец» (две последние вошли в пластинку-гигант «Виктор Хара — народный певец Чили», выпущенную Всесоюзной фирмой грампластинок «Мелодия»). Песня на стихи Пабло Неруды «Знамена в сердце» стала одной из последних, записанных Виктором Харой перед военным переворотом 11 сентября 1973 года.

Русские тексты написаны поэтами С. Гончаренко, Вл. Луговым и М. Павловым. Аранжировка А. Щукиной.

Колыбельная негритенку

Спокойно, певуче

Duer-me, duer-me ne- gri- to, que tu ma-ma es-tá en'l
cam- po, ne- gri- to... Duer-me, duer-me ne- gri- to
que tu ma-ma es-tá en'l cam- po, ne- gri- to... Конец.
Ускоряя
Te va a tra-er co-dor-ni-ces pa-ra ti, te va a tra-er mu-chas
co-sas pa-ra ti, te va a tra-er car-ne de cer-do pa-ra ti,
te va a tra-er mu-chas co-sas pa-ra ti y si ne-gro no se
duer-me vie-ne dia-blo blan-co, y se le co-me la pa-ti-ta, ya-ca
cum-ba, ya-ca cum-ba, a cum-ba, ya-ca cum-ba, ya-ca
cum-ba, ya-ca cum-ba. Tempo I Duer-me, duer-me ne- gri- to
que tu ma-ma es-tá en'l cam-po, ne- gri- to...
Duer-me, duer-me ne- gri- to que tu ma-es-tá en'l
cam- po, ne- gri- to. Tra-ba- jan- do... Tra-ba-
Ускоряя
-jan-do du-ra-men-te, tra-ba- jan- do sí, tra-ba-
-jan-do y no le pa-gan, tra-ba- jan- do sí, tra-ba-
-jan-do y va to-sien-do, tra-ba- jan- do sí, tra-ba-
-jan-do y va de lu-to, tra-ba- jan- do sí, pa'l ne-
-gri-to, chi-qui-ti-to, tra-ba- jan- do sí, pa'l ne-
-gri-to, chi-qui-ti-to, tra-ba- jan-do sí, no le
pa-gan sí, du-ra-men-te sí, va to-sien-do sí, va de
lu-to sí. Tempo I Duer-me, duer-me ne-

С НАЧАЛА ДО СЛОВА „КОНЕЦ"

Баю-бай, негритенок.
Мамы нету, постреленок.
Засыпай.
Баю-бай, негритенок.
Мама в поле, постреленок.
Засыпай.

Она тебе скоро хлеба принесет.
Она тебе куропатку принесет.
Ты любишь мед? Она меду принесет.
Она тебе много меда принесет.
Спи, мальчонка, а иначе
будет очень худо.
Рыщет белый черт кусачий,
яка-кумба, яка-кумба, яка-кумба,
яка-кумба, яка-кумба, яка-кумба...

Баю-бай, негритенок.
Мамы нету, постреленок,
Засыпай.
Баю-бай, негритенок.
Мама в поле, постреленок.
Засыпай.

Мама в поле...
На господском поле полет,
проливает пот.
У богатого сеньора
в поле спину гнет.
Спину гнет, да ей не платят,
ей не платят, вот.
Тяжек труд ее батрачий,
а помещик — жмот.
Чем кормить ей негритенка?
Чем кормить ей негритенка?
Горько слезы льет.

В поле спину гнет,
проливает пот,
а помещик — жмот
ей не платит, вот.
Она слезы льет.

Баю-бай, негритенок.
Мамы нету, постреленок.
Засыпай.
Баю-бай, негритенок.
Мама в поле, постреленок,
засыпай...

Человек-творец

Allegretto, giocoso

Y-gua-li-to que o-tros tan-tos de mi-ña a-pren-dí a su-
dar no co-no-cí las es-cue-las, ni su-pe lo que es ju-
-gar. Me sa-ca-ban de la ca-ma por la ma-ña-na tem-
-pra-no y a la-di-to de mi pa-pá fui cre-cien-do en el tra-
ba- jo 2(3.4) Con mi pu-ra ha-bi-li-

2. Con mi pura habilidad
me las di de carpintero
de estucador y albanil
de gaspiter y tornero
pucha, que seria bueno
haber tenido instrucción
porque de todo elemento
el hombre es un creador.

3. Yo le levanto una casa
o le construyo un camino
le pongo sabor al vino
le saco humito a la fábrica
voy al fondo de la tierra
y conquisto las alturas
camino por las estrellas
y hago surco a la espesura.

4. Aprendí el vocabulario
del amo, dueno y patrón,
me mataron tantas veces
por levantarles la voz,
pero eso no me paró
porque me prestan las manos,
porque ahora no estoy sólo,
porque ahora somos tantos.

1. С юных лет узнал я, братцы,
что такое значит труд.
Не пришлось учиться в школе,
не кончал я институт.
По гудку я просыпался,
и хоть был еще я мал,
но со взрослыми бок о бок
на работе я мужал.

2. Я был сызмала смекалист.
Потому — всегда у дел.
И строгать, и штукатурить,
и токарить я умел.
Эх, а все-таки неплохо
было б кончить институт.
Если есть творец на свете,
это мы — рабочий люд.

3. Это мы творим планету.
Это мы торим пути,
по которым из Сегодня
можно в Завтра перейти.
Погружаемся в глубины,
дышим ветром высоты.
Дружно пашем поле жизни,
дружно сеем хлеб мечты.

4. Не пугай меня, хозяин!
Все равно не испугать.
Сколько раз в меня стреляли!
Только нас не расстрелять.
Нас не счесть, и мы едины.
Нас объединяет труд.
Если есть творец на свете,
это мы — рабочий люд.

Главный редактор А. А. НОДИЯ.

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, В. Д. ОСИПОВ, Б. А. СЕНЬКИН, С. А. ЧИБИРЯЕВ.

Художественный редактор О. С. Александрова.
Оформление В. Д. Грызлова.
Технический редактор В. Н. Савельева.

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 18/II 1975 г. Подп. к печ. 31/III 1975 г. А08088. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 470 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 211.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Т. Якубовска (ПНР).
Нефтепровод «Дружба»

Г. Нойбауэр (ГДР).
Пейзаж под Плоцком.

D 17.35

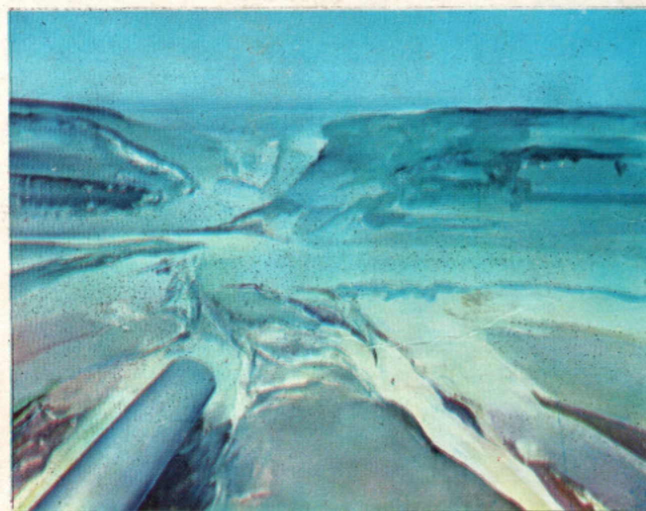
Н. Казакевич (СССР).
Трасса нефтепровода «Дружба».

Н. Касумов (СССР).
Вид на комбинат.

У нефтепровода назначение экономическое. У нефтепровода «Дружба» есть и свое, уникальное — каждой тонной нефти подтверждать естественное братство людей в совместном труде. Тем недавним дням труда, в которых не один пуд соли вместе съели, людям и событиям «Дружбы» посвящена состоявшаяся недавно в Москве выставка художников тех стран — СССР, ГДР и ПНР, по которым проходит трасса нефтепровода.

З. Курковски (ПНР).
Белорусский пейзаж.